

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Ответный
удар

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Совесть негодяев

«PEN-клуб»

1995

Абдуллаев Ч. А.

Совість негодяев / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1995 — (Дронго)

...Убит банкир, возглавлявший крупный – и внешне вполне благополучный – концерн. Кто стоит за этим дерзким преступлением? Конкуренты? Возможно. Или... ИЛИ? Или – истоки убийства скрыты в аду обожженного пламенем гражданской войны Кавказа? Две равнозначные, правдоподобные версии. Однако какая же из них – истинная? Это и предстоит узнать начинающему новое дело «специальному агенту» Дронго...

© Абдуллаев Ч. А., 1995

© PEN-клуб, 1995

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Чингиз Абдуллаев

Совесьть негодяев

Есть три рода подлецов на свете: подлецы наивные, то есть убежденные, что их подлость есть высочайшее благородство; подлецы, стыдящиеся собственной подлости при непременном намерении все-таки ее докончить; и, наконец, просто подлецы, чистокровные подлецы.
Федор Достоевский

Бог есть соблазн, приносящий доход.
Шарль Бодлер

Глава 1

В этой книге есть ненависть. И хотя критики рекомендуют авторам быть беспристрастными свидетелями событий, но в наше время это слишком большая жертва со стороны автора. Бремя ненависти довольно тяжелое бремя, чтобы нести его в одиночку. Разделите мою ненависть к многочисленным мерзавцам, но не переносите ее ни на какой народ. Иначе бремя ненависти раздавит и вас.
Автор

Похороны были необыкновенно пышные и торжественные. Почтить память банкира пришли его многочисленные друзья, коллеги, сотрудники. На похороны приехали восемь министров действующего правительства, и даже сам премьер-министр почтил своим присутствием столь важное событие, отложив встречу с японским послом на три часа. В зал торжественно внесли и венок от президента республики.

Погибший был руководителем и фактическим владельцем одного из самых крупных банков России. Злые языки говорили о его принадлежности к мафии, но, как обычно бывает в России, дальше разговоров дело не пошло, а республиканская прокуратура, дважды возбуждавшая уголовные дела, так ничего и не смогла доказать. Сергей Караухин был не просто банкиром. Он был достаточно известной в обществе, весьма влиятельной персоной, депутатом Моссовета, возглавлял объединение банкиров. Он был богат, сравнительно молод – ему шел всего сорок третий год, широко известен. Одного этого достаточно, чтобы вызвать ненависть. Если к этому добавить, что его банк довольно успешно перехватывал у конкурентов весьма выгодные кредиты, то поводов для убийства Караухина было более чем достаточно. Два дня назад его и убили прямо у подъезда собственного дома.

У банкира, конечно, имелись свои телохранители. Но, как нередко бывает, они служили скорее своеобразным подтверждением его статуса, чем надежной охраной. Известные убийцы, подъехав к его дому, просто расстреляли автомобиль, в котором находился сам Караухин, два его охранника и водитель. Один из охранников, получивший тяжелые ранения, остался в живых. Он первым вышел из автомобиля банкира и стоял спиной к подъехавшей машине с убийцами. Несмотря на тяжелое состояние, его уже успели допросить работники прокуратуры и милиции, но с огорчением убедились, что свидетель этот им ничего нового не расскажет.

Среди пришедших проводить банкира в последний путь было много известных людей – политиков, банкиров, министров, депутатов. Громко плакал младший брат покойного, всхлипывала его мать. Стойко держалась супруга банкира, она уже заметила в толпе посетителей

несколько красивых женщин, очевидно знакомых мужа, и теперь пыталась вычислить – кто именно из них заменял ее на супружеском ложе последние два года. С красными яростными глазами стояла дочь убитого. Ей было двенадцать лет, и она уже о многом догадывалась.

Появились многочисленные охранники. Послышались громкие голоса. Даже у премьера охрана была менее многочисленной и куда более спокойной. Приехал президент «Гамма-банка» Михаил Никитин. Угрюмое, немного опухшее лицо, коротко подстриженные рыжеватые волосы. Он подошел к вдове покойного и пожал ей руку, сказал несколько слов. Красноречием он никогда не отличался. В прежней, доперестроечной жизни он имел даже две судимости и стал работать в банке благодаря своему покровителю, первому руководителю и основателю банка Борису Лазареву. После того как Лазарева застрелили, он и возглавил банк, ставший одним из крупнейших банков страны. По сведениям ФСБ, он одновременно контролировал сразу несколько крупных подмосковных группировок, направляя их деятельность.

Сразу вслед за ним подъехал руководитель «Континенталь-банка» Артур Саркисян. Полный, сильно потевший банкир, подойдя к родственникам покойного, лишь кивнул головой. Он не стал выстраиваться в очередь к почетному караулу, стоявшему у тела банкира, а просто отошел в сторону.

Незаметно, без лишнего шума, появился известный скульптор Рафаэль Багиров. Рядом с ним были лишь его помощник и один охранник. Багиров не любил лишней суеты, повышенного внимания к своей особе. Правда, никто из присутствующих даже не подозревал, что за полчаса до прибытия Багирова в огромном зале уже объявилось полтора десятка его людей, внимательно присматривающихся к окружающим. Он, подойдя к вдове, галантно поцеловал ей руку и нашел несколько ласковых слов для дочери убитого. Он даже отстоял положенную минуту у тела покойного, замерев в почетном карауле вместе с министром финансов и двумя чиновниками из Кабинета министров. Багиров строго соблюдал все необходимые формальности, отдавая должное полагавшемуся ритуалу.

Одним из последних приехал заместитель прокурора города Морозов. В дверях он едва не столкнулся с Хаджи Асланбековым, лидером чеченских группировок в Москве. Морозов знал, что Асланбеков проходил у них свидетелем сразу по нескольким нашумевшим делам, и, поперхнувшись, едва не повернул обратно. Стоявший в окружении сразу четырех своих земляков, составляющих его личную охрану, Асланбеков улыбнулся, показывая свои красивые зубы, и пропустил вперед сердитого прокурора. Морозов ни за что не приехал бы на сегодняшние похороны, если бы не просьба прокурора города Корнеева, который вчера сильно простудился и просил заменить его – возложить венок от имени прокуратуры.

Городская прокуратура уже возбудила уголовное дело по факту гибели банкира Караухина, но почти никто, в том числе и сами работники прокуратуры, не сомневались, что преступление не будет раскрыто. Следователи привычно суетились, допрашивая свидетелей, инспекторы уголовного розыска также привычно теребили свою агентуру, к делу даже подключились специалисты из ФСБ. Однако преступление было совершено профессионально. Почерк был слишком явный – наглый и дерзкий. Такие преступления обычно не раскрывались, очень длинной бывала цепочка от исполнителей к заказчикам. И, как правило, цепочку вовремя и очень оперативно убирала.

Но в этот раз все работники правоохранительных органов проявили необычайное рвение, усердно разыскивая преступников. Это было уже не «просто отбытие номера на ковре», а действительный поиск преступников с подключением всех имевшихся в распоряжении средств, в том числе и многочисленной агентуры.

Причина подобной активности была более чем прозаическая. Объединение банкиров, которое возглавлял Сергей Караухин, приняло решение о выплате одного миллиона долларов тому, кто сумеет раскрыть это преступление. За такие деньги можно было и очень сильно выложиться. Приз был весьма необычным и оригинальным, и десятки сотрудников, занятых

в этом деле, бросились за обещанной наградой, рассчитывая скорее на свое везение, чем на успешный поиск.

Вошедший в зал Хаджи Асланбеков, заметив Багирова, подошел к нему, к явному неудовольствию последнего. Чеченский лидер был слишком хорошо известен в столице, и знаменитый скульптор не хотел иметь с ним ничего общего. Но он вежливо поздоровался с подошедшим. У Асланбекова было несколько сотен отъявленных головорезов и огромный, поистине неисчерпаемый резерв пополнений своих отрядов в Чечне. После начавшейся войны чеченская группировка была взята под особый контроль, и людям Асланбекова пришлось очень сильно потесниться, уступая свои доходы конкурентам из других национальных группировок.

Их места стали занимать выходцы из Средней Азии, постепенно формирующие в Москве свои сильные национальные мафии, осмеливающиеся иногда даже бросать вызов традиционно грозным кавказским группировкам в борьбе за доходные места в городе. Кроме всего прочего, всех пришельцев не любили славянские группировки, сформировавшиеся в Москве в боевые отряды бандитов, действовавших по зональному принципу.

Багиров чуть посторонился, пропуская вперед Асланбекова. Оба его сопровождающих встали позади него. Рядом тяжело дышали охранники чеченского лидера.

– Как дела, Рафаэль Мамедович? – спросил Асланбеков.

– Спасибо, хорошо. Как твои? – Багиров был старше лет на десять.

– Не очень. Нас, чеченцев, везде травят, везде преследуют. Хорошо еще иногда ваши ребята прикрывают, помогают, – издевательски сказал Хаджи.

Багиров ничего не ответил на очевидный вызов. По его строгому приказу все действовавшие в Москве азербайджанские группировки полностью отказались от сотрудничества с чеченцами, по существу не оказав им никакой поддержки в столь сложный период. Багиров знал, как относятся к чеченцам после начала войны, и тем более после Буденновска. И очень часто гнев обывателя, не особенно разбиравшегося, где именно азербайджанцы, а где чеченцы, бил по его людям. Багиров сразу рассудил, что только резкое отмежевание может хоть как-то выгородить его людей.

– Пока идет эта война, ничего хорошего не будет, – строго ответил Багиров.

– Можно подумать, ее начали мои люди, – огрызнулся Асланбеков, – вы же знаете, как мне трудно держать своих людей в узде. Я отвечаю за весь город. Думаете, это легко? Какой-нибудь кретин из Чечни может приехать сюда и устроить небольшой взрыв, а отвечать за это будут все чеченцы. И не только мои люди, а вообще все чеченцы. Думаете, мы этого не понимаем?

Асланбеков говорил по-русски грамотно, почти без акцента. Вообще среди чеченцев было очень много людей, прекрасно владевших русским языком, сказывалась долгая ссылка в Казахстан.

– Нужно быть осторожнее, – заметил Багиров, – и не так демонстративно появляться на людях в окружении стольких охранников. Здесь собралось полгорода, а ты заявился с бородастыми охранниками, демонстрируя свою неуязвимость.

– Вечно вы к нам придираетесь, – пожал плечами Асланбеков. – Я сегодня специально пришел на похороны, а то убийство Сергея опять свалят на чеченцев. Как только громкое убийство в городе, так сразу все кричат: «Ату их!» Как будто убийцы только среди моих людей ходят. И потом, зачем мне нужно было убивать Караухина? Он был очень солидный банкир и очень умный человек. Мы с ним всегда могли договориться.

– Я и не думал, что это твои люди, – мрачно ответил Багиров. Затянувшийся разговор с Асланбековым у всех на виду его сильно нервировал. Но его нужно было довести до конца: кто-то ведь убил Караухина.

– Может, это дело вашего друга Саркисяна? – нагло спросил Асланбеков, снова сказав очевидную пакость. Несмотря на войну, продолжавшуюся уже столько лет в Закавказье,

между Азербайджаном и Арменией, обе преступные группировки в Москве уже давно нашли общий язык и не допускали в городе и в России боевых действий друг против друга, справедливо рассудив, что в такой схватке победителей просто не будет. Полтора миллиона армян и миллион с лишним азербайджанцев, живущих в России, могли стать заложниками противоборства двух преступных группировок. Поняв, что их интересы не пересекаются, лидеры армянских и азербайджанских преступных группировок смогли раз и навсегда договориться о сотрудничестве и взаимном нейтралитете на российской территории. Багиров и Саркисян были деловыми партнерами, но назвать их друзьями означало бросить вызов самому Багирову.

Рафаэль Мамедович, уже не сдержавшись, нахмурился.

«Зарывается, стервец», – подумал он и негромко спросил:

– Так ты считаешь, что он мой друг?

Асланбеков понял, что должен промолчать. У него хватило ума осознать, что в случае утвердительного ответа уже завтра азербайджанские и поддерживающие их грузинские боевики начнут войну против его людей, и без того загнанных в угол правоохранительными органами республики.

– Конечно, не считаю, – ответил Хаджи, – просто он ваш хороший знакомый, а вы всегда могли с ним договориться.

– Сложный ты человек, Хаджи, – сказал Багиров, – ох какой сложный!

И, повернувшись, пошел к выходу. Он успел заметить недовольные лица многих присутствующих, когда он говорил с Асланбековым. И такие лица были не только у его врагов, но и у его друзей. Уже у выхода его перехватили.

– Рафаэль Мамедович, здравствуйте, дорогой, – раздался привычный тихий голос.

Багиров неслышно выругался. У людей Фили Рубинчика реакция мгновенная. Достаточно ему было поговорить с Асланбековым всего пару минут, и вот уже известный московский адвокат Яков Аронович Гольдберг тянется к нему с улыбкой на устах.

Они расцеловались. Гольдберг опирался на свою палку. И привычно подмигивал левым глазом за толстыми стеклами очков, словно заранее сговариваясь о чем-то очень важном и тайном.

– Иду к машине, – показал на выход Багиров, – иначе потом трудно будет вообще отсюда выбраться.

– Я тоже решил пораньше. Найду, думаю, попутную машину, – подмигнул Багирову левым глазом Яков Аронович, – не подвезете старика?

«Вот сукин сын, – с восхищением подумал Багиров, – поэтому они всегда все знают. Реакция мгновенная, словно в теннисе. Здорово работают».

Преступная группировка Фили Рубинчика никогда не занималась ни грабежами, ни убийствами. Ее самый сильный товар – поставка информации, обладание информацией, посреднические услуги. Контроль за многими средствами массовой информации, газетами и телевидением они осуществляли мягко, осторожно, проводя нужные им решения посредством очень хорошо продуманных акций.

– Конечно, подвезу, – живо отозвался Багиров. Он очень ценил этого старого и опытного адвоката, всегда дававшего очень ценные советы.

Моментально возникшие вокруг Багирова охранники довольно бесцеремонно расталкивали людей, образуя коридор для своего босса и его спутника.

Через пять минут они уже вышли на улицу и сели в бронированный «Мерседес» Багирова, подъехавший к тому месту, где разрешалось стоять только автомобилям с правительственными номерами. Багиров, вежливо пропустив своего спутника, обошел автомобиль с другой стороны, к явному неудовольствию своей охраны.

Автомобиль мягко тронулся. Едва они выехали на улицу, как к ним присоединились еще две машины. Лишних предосторожностей не бывает, твердо считал Рафаэль Мамедович.

– Что вы думаете насчет этого убийства? – осторожно начал Яков Аронович.

– Очередная глупость кого-нибудь из конкурентов, – пожал плечами Багиров, – в этой стране любой банкир, любой предприниматель потенциальный камикадзе.

– Вы знаете, какую награду назначили за головы преступников?

– Конечно, знаю. Миллион долларов.

– Они могут на этот раз наконец найти убийц Караухина, – предположил Яков Аронович, – как вы считаете?

– Может, и найдут, – равнодушно ответил Багиров, – за такую сумму могут просто выдать.

– Да, такое тоже возможно, – согласился Гольдберг. – А это не могли сделать чеченцы? У них, кажется, были какие-то споры в последнее время?

«Вот почему он попросился в мою машину, – подумал Багиров и вдруг понял, что Асланбеков подходил к нему с единственной целью – рассказать, что в убийстве Караухина его люди не замешаны. – Ай да Хаджи! Не ожидал от него такой находчивости. Вот почему он так нагло, при всех, подошел ко мне. Ему просто нужно было оправдаться, ему нужен был свидетель. Но если он говорит, что не убивал, это еще ничего не доказывает. Может, наоборот, именно по его приказу и убивали. А теперь, узнав о призе в миллион долларов, он боится, что так дорого его голова просто не стоит».

Гольдберг терпеливо ждал, не нарушая хода его мыслей.

– Простите, – сказал наконец Багиров, – я, кажется, задумался. Нет, я считаю, что чеченцы тут ни при чем. Они не убивали Караухина.

– А кто, по-вашему, это мог сделать? – спросил Яков Аронович, повернув голову в его сторону. Он даже не подмигнул от волнения.

– Понятия не имею, – честно ответил Багиров, – я не думал об этом.

– Напрасно, – укоризненно сказал Гольдберг, – такая сумма.

– Это не для меня. Я не гожусь на роль частного детектива.

– А почему именно вы? – удивился Гольдберг. – Вполне можно нанять нужных людей-профессионалов. Пусть они расследуют это дело. Деньги можем дать вместе. Мы поделимся имеющейся информацией, а вы дадите надежное прикрытие из числа своих людей.

– Вы хотите расследовать это дело вместе со мной? – изумился Багиров. – Но почему?

– Коммерческая тайна, – усмехнулся Яков Аронович, – просто нам нужно вычислить, кто именно был заинтересован в смерти Сергея Караухина. А приз ваши люди могут оставить себе. У нас в этом случае просто альтруистический интерес. Совершенно бескорыстный. Нам нужно знать, кто именно убил Караухина. И почему.

– А почему вы сами не найдете такого профессионала? – подозрительно нахмурился Багиров.

– А потому, что мы хотим избежать всяких разговоров о нашей причастности к расследованию этого дела. Вы же знаете наш принцип – мы никогда и ни во что не вмешиваемся. Информация о том, что мы интересуемся подобным расследованием, не должна просочиться ни при каких условиях. Вы первый и последний человек, который будет об этом знать. Вы, и больше никто. Просто мы вам очень доверяем.

– Понимаю. Кандидатуры для расследования мне искать самому?

– Мы уже нашли специалиста. Если вы разрешите, я сегодня вечером передам вам несколько личных дел.

– Конечно. Будет очень интересно их просмотреть.

– Тогда договорились, я пришлю их вам, – улыбнулся Гольдберг.

Машины выехали на шоссе.

Идущий впереди «БМВ» чуть ускорил движение. Гольдберг достал из кармана платок, вытирая голову. Багиров чуть ослабил узел галстука.

И в этот момент прозвучал взрыв. Заряд из гранатомета попал точно в автомобиль, как раз в заднее сиденье, в то самое место, справа от водителя, где обычно сидел Рафаэль Мамедович. Граната взорвалась, ударившись о бок бронированного автомобиля.

Подброшенный чудовищной силой взрыва автомобиль на мгновение замер, словно в нерешительности, и перевернулся на левый бок. Шедший сзади второй «Мерседес» охраны едва не врезался в него, но сумел остановиться, противно запищав при экстренном торможении. Развернувшись, подъехала первая машина. Посыпавшиеся из автомобилей охранники бросились к покалеченному автомобилю, пытаясь поставить его в нормальное положение. После третьей попытки это им удалось.

В салоне автомобиля все было в крови. Громко стонал водитель, у которого была разбита голова. Прямо на нем лежал охранник, превратившийся в кровавое месиво после прямого попадания гранаты. На заднем сиденье, неестественно откинув голову и замерев в какой-то непонятной усмешке, лежал Яков Аронович Гольдберг. Пульс не прощупывался. Он был мертв.

Когда из автомобиля начали доставать тело Рафаэля Багирова, он застонал, и все охранники радостно засуетились. Кажется, Христос или Аллах в этот раз чудом сохранил жизнь их руководителю. Хотя скорее Моисей, ибо на привычном месте Багирова сидел Яков Аронович Гольдберг, принявший основной удар на себя.

Не дожидаясь «скорой помощи», «БМВ» увез Багирова в больницу. А приехавшим милиционерам и врачам достались лишь два разорванных трупа и тяжело раненный водитель.

Глава 2

После возвращения из командировки начиналась обычная меланхолия и полное отсутствие желаний кого-либо видеть. В молодые годы у него наступал период так называемой «реанимации», когда после выполнения тяжелого задания тянуло на общение с людьми, на элементарное человеческое общение, когда не нужно притворяться и лгать. С годами он становился меланхоликом, более мрачным и замкнутым в себе. Может, потому, что так сложилась его судьба, вместившая в себя все сложности последних пятнадцати лет.

Сначала интересная работа, блестящие перспективы, зарубежные командировки и азарт новичка, впервые выдвинутого на самостоятельную работу. Затем постепенное разочарование, потери друзей, предательство некоторых из коллег. Потом тяжелое ранение в конце восьмидесят восьмого, когда он чудом остался жить. Три года он не был нужен никому. А потом его вызвали и подставили в сложной игре с американской разведкой. Это было накануне развала великой страны. Тогда он потерял женщину, которую любил.

Потом были новые задания и новые потери. Он постепенно ожесточился, превратился в меланхолика, стал более циничным и мрачным. Распад страны в одно мгновение превратил его из профессионального эксперта в подозрительное лицо другой национальности. Он стал гражданином другого государства, с болью осознавая, что навсегда потерял свою родину. Собственной, новой родине он уже был не нужен, на нем висел ярлык человека, сотрудничавшего с бывшими органами КГБ. Российские спецслужбы, ставшие наследниками центральных ведомств бывшего Союза, он интересовал лишь как платный наемник и неплохой специалист по решению сложных задач. Не более и не менее. Рамки были строго очерчены, и он теперь всегда знал свое место. В один миг из столицы его государства Москва превратилась в чужой город. Русский язык, на котором он учился и говорил со своими родителями, стал иностранным языком, а его бывшие коллеги и сослуживцы по центральному аппарату стали сотрудниками чужого, в некоторые периоды даже враждебного государства, отгороженного от его собственной среды обитания государственными границами и строгими таможенными правилами.

Очередной звонок был неожиданным подарком. Сидеть без дела было самым настоящим адом. Он теперь хорошо знал, что существует наказание бездельем, возможно, самое страшное наказание для деятельного человека, когда ты физически чувствуешь, как уходят дни и часы твоей жизни, и не можешь использовать их наиболее рационально и правильно.

Если учесть, что звонил его бывший координатор и человек, которому он всегда и безусловно доверял, это было приятно вдвойне. Бывший старший офицер Первого Главного управления КГБ СССР полковник Родионов не так часто беспокоил его по пустякам. Должно было произойти нечто исключительное, чтобы позвонил сам Родионов, работающий к этому времени уже адвокатом Московской городской коллегии адвокатов. Они встретились в том самом кафе в Сокольниках, в котором уже однажды встречались десять лет назад. Это было в другую эпоху, когда существовала другая страна, другие ценности и они сами были гораздо моложе. Дронго сразу заметил, как сильно сдал за последние годы бывший разведчик, как постарел Родионов. В свою очередь, полковник критически оглядел и его.

– Стареешь, – сказал он, улыбнувшись, протягивая руку. Рукопожатие было прежним, крепким и дружеским.

– Мне уже под сорок, – напомнил Дронго, – некоторые считают, это старость молодости.

– Интересное выражение, – засмеялся Родионов, – я его где-то читал. Как у тебя дела? Слышал, ты был недавно в Америке?

– Да, ездил немного погулять, – кивнул Дронго.

– «Вольным стрелком» или... – выразительно спросил полковник.

– Или... – кивнул Дронго. Они понимали друг друга без лишних слов. – Искал одного старого знакомого, – добавил Дронго.

– Нашел? – вдруг почему-то спросил Родионов. Обычно он не задавал таких вопросов.

– Нашел.

– Понятно, – Родионов забарабанил пальцами по столу, словно что-то обдумывая. – Ты будешь пить кофе?

– Если здесь нет ничего другого.

– Есть пиво, но ты, кажется, его не любишь.

– Тогда кофе.

– Два кофе, – показал Родионов девушке в грязном переднике. Сюда лишь докатывались волны новой жизни, выразившиеся в улучшении ассортимента и появлении красочных плакатов на стенах кафе.

– Япончик – твоя работа? – спросил вдруг Родионов. Его собеседник сразу понял, о чем его спрашивают. Недавно в Америке был арестован известный глава русской мафии Иванов, он же Япончик, и Родионов решил, что Дронго ездил в Америку из-за этого.

– Нет, – честно ответил Дронго, – не моя. Вы слышали об убийстве Рябого?

– Да, его, кажется, убили где-то... сейчас вспомню... в Коннектикуте. Верно?

– Память у вас осталась такой же. Да, его убили в Хартфорде. Я в это время случайно проезжал мимо.

– Понятно. И после этого начались аресты главарей русской мафии в Америке?

Дронго кивнул в ответ. Родионову это почему-то понравилось.

– Я всегда говорил, что ты самый опасный эксперт из всех, кого я встречал в своей жизни. Достаточно точно указать тебе цель, и тебя уже невозможно остановить.

– Надеюсь, вы вызвали меня не для того, чтобы только похвалить меня, – улыбнулся Дронго, – иначе было бы очень обидно. Я рассчитывал на большее.

– Ты знаешь об убийстве Сергея Караухина?

– Кажется, банкир? Видел его похороны по телевизору. Типичная мафиозная разборка, ничего существенного.

– Его застрелили у подъезда собственного дома, – сухо сообщил Родионов.

– Ну и что?

– Слышал, какую награду предложили за его убийц?

– Не слышал и не очень хочу слышать. Надеюсь, вы меня позвали в Москву не для того, чтобы я начал заниматься еще и такими делами.

Что-то в лице Родионова ему не понравилось.

– Не угадал, – сказал полковник, – на этот раз не угадал.

– Тем хуже, все равно не собираюсь вести это дело.

– Объединение банкиров предложило за раскрытие этого преступления выплатить приз в миллион долларов, – тихо сообщил Родионов.

Девушка принесла два кофе. Цивилизация все-таки сумела внедриться и здесь, хотя еще и не победила до конца. Кофе был неплохой, поданный к тому же в фирменных чашечках. Дронго дождался, когда она отошла, и только потом сказал:

– Кажется, эта сумма произвела впечатление и на вас, товарищ полковник. Вот уж никогда не думал, что подобное сумеет вас увлечь.

– Ты не понял, – даже не обиделся Родионов, – дело не во мне. Дело действительно в необычной сумме. Она меня не волнует, она меня очень интересуется. Понимаешь?

– Вы считаете, что это необычное предложение? – понял Дронго.

– Да, – кивнул Родионов, – и так считаю не только я один. Ты понимаешь, эти господа не дали бы миллион долларов за головы убийц, даже если те расстреляют половину их компании. Они ищут совсем не убийц. Они ищут заказчиков этого преступления. А ради этого готовы

заплатить и гораздо большие деньги. Им очень важно установить, кто именно приказал ликвидировать Караухина.

– У них всегда можно вычислить убийцу, – пробормотал, все еще не совсем понимая суть дела, Дронго, – доказать вину действительно трудно, а вычислить заказчиков практически очень легко. Для этого не нужно прибегать к сложному расследованию. Я практически сразу могу назвать убийц журналистов Листьева или Холодова. Вернее, не конкретных исполнителей, а заказчиков этих преступлений. Тут вполне пригодится обычная логика. Но вот доказательств, конечно, не будет. Особенно с Листьевым. Там настолько явно все видно, что можно просто задать вопрос: «кому это выгодно?», и все встанет на свои места.

– Но в данном случае все как раз не так, – терпеливо объяснил Родионов, – поэтому и назначена такая огромная сумма за расследование. Банкиры очень хотят знать, кто именно стоял за этим убийством. И за это знание они готовы платить любую цену.

– Я опять не понял. Вы вызвали меня, чтобы я заработал деньги на этом деле?

– Нет, конечно, – разозлился Родионов, – ты с годами начинаешь туго соображать. Просто им важно знать, откуда пришелся удар. Понимаешь?

– Да, им важно знать, кто начал войну против них.

– Миллион долларов... – сказал вдруг Родионов, – ну-ка сам дойди до всего. Давай строй свою знаменитую логическую цепочку вслух.

– Миллион долларов, – задумчиво сказал Дронго, – миллион долларов. Они ищут убийц Караухина. За головы обычных бандитов такие деньги не дают. Значит, им важно знать заказчиков. Но и за знание подобных фактов таких денег тоже не дают. Здесь нечто иное. Месть? Не похоже. Банкиры – практичные люди. Они не выбросят на подобные ненужные эмоции миллион долларов, когда за сто тысяч можно найти хорошего киллера, готового убить хоть президента. Установление истины? Тоже ни к чему. Они быстро поделят миллионы Караухина, наплевав на истину. Здесь нечто другое. Тайна?! Покойный имел монополию на некую тайну, и поэтому его убили. Его друзьям важно знать, кто именно это сделал, чтобы вычислить саму сущность тайны, о которой никто не знал. Правильно?

– Почти, – Родионов с интересом следил за его рассуждениями, – только с небольшой поправкой. Они знают, какой именно тайной владел Караухин, и знают, за что его убили. Но им важно знать, кто это сделал и куда делись документы покойного. Вот почему они установили такой невероятный приз в миллион долларов. И это очень ничтожные деньги за те бумаги, которыми владел Караухин.

– Значит, розыск убийц – это просто прикрытие?

– Разумеется. Но никто не станет громко говорить об этих документах. Они слишком важны для всех.

– Что это за документы?

– Мы не знаем, но предполагаем, что это очень важные документы. Караухин, по нашим сведениям, в свое время заплатил за них несколько миллионов долларов. И это все, о чем мы точно осведомлены.

– Вы считаете, этого достаточно, чтобы начать расследование?

– Для тебя – да, для других – нет. Но я полагаю, что это – как раз тот самый случай, который можно и нужно поручить только тебе.

– Понимаю. Это все?

– Нет, не все. Убийство Караухина произошло две недели назад. Банкиры почти сразу объявили небывалый приз в миллион долларов, даже не успев похоронить своего убитого товарища. И в день похорон случилась первая неожиданность.

– Нападение на автомобиль Рафаэля Багирова? – спросил Дронго.

– Ты знаешь и об этом?

– Об этом писали все газеты. Он был очень известной фигурой. Кстати, насколько я слышал – он даже уцелел. Хотя я не совсем понимаю, каким образом? Судя по характеру нападения, действовали настоящие профессионалы. И такой промах?

– Его спасла случайность, – пояснил Родионов, – он сел в автомобиль, кстати, бронированный «Мерседес», не с той стороны, откуда обычно садился. У него оказался случайный попутчик, который, по существу, заслонил его своим телом. Багиров остался жив чудом, но убийцы не знали, что он сидит с другой стороны. Ты прав, конечно, действовали профессионалы. Был точно изучен маршрут движения, выбрано очень подходящее место для нападения. Там, на повороте, машины немного притормозили, и в этот момент в автомобиль выстрелили из гранатомета. С расстояния в пятьдесят метров. Здесь не спасла бы даже броня «Мерседеса». Двое погибли сразу же, водитель скончался через три часа в больнице. И только Багиров уцелел. Его сначала держали под усиленной охраной в «кремлевке», потом, когда состояние несколько стабилизировалось, вывезли в Англию. Три дня назад. Сейчас он лечится где-то под Лондоном.

– Вы считаете, есть какая-то связь?

– Безусловно. И очень прямая. Или Багиров что-то знал о покушении на Караухина и был настолько нежелательным свидетелем, что его попытались убрать сразу же, в день похорон. Или мог узнать нечто такое, что заставило его убийц поторопиться. Возможен еще и третий вариант, при котором убийц Караухина нужно искать в окружении Багирова, но я лично в такой вариант совсем не верю. Такая мгновенная реакция не в традициях российской преступности. Если люди Багирова имеют отношение к убийству Караухина и владеют нужными документами, то с ними сначала попытались бы договориться, а уже потом стрелять. Нет, первые два варианта более предпочтительны.

– Вы сказали «первая неожиданность», – напомнил Дронго, – значит, была еще и вторая?

– Была. Через три дня после смерти Караухина был убит его помощник – Аркадий Чешин. Его сбил автомобиль, когда он переходил дорогу у своего дома.

– Автомобиль, конечно, не нашли?

– Нет. Милиция считает, что о случайном наезде в тот вечер и речи быть не может. Дороги были сухие, все прекрасно просматривалось. Автомобиль мог при желании затормозить или свернуть в сторону. Наши милицейские «профессионалы» считают, что водитель был просто пьян. Этим объясняется высокая скорость автомобиля, отсутствие тормозного пути, поспешное бегство с места происшествия. Но ведь на эти же факты можно взглянуть и несколько с другой стороны. Если, конечно, это было преднамеренное убийство.

– Интересная ситуация, – задумчиво сказал Дронго, – что-нибудь известно о характере самих документов?

– Давай выйдем на свежий воздух, – предложил Родионов, оглянувшись.

Подозвав официантку, он расплатился с ней, после чего оба собеседника вышли на улицу. Лишь пройдя два квартала от кафе, Родионов еще раз обернулся и тихо сказал:

– Мы считаем, что это – списки агентуры.

Дронго не спросил более ничего. Он сразу понял, документы какой взрывной силы хранились у Караухина. Обладателя подобных документов не сумела бы спасти целая дивизия воздушно-десантных войск. Среди ее командиров вполне мог оказаться нестойкий человек, и тогда вся охрана сводилась к нулю. Но почему Караухин обладал такими документами? Откуда и почему? Как они могли попасть в его руки?

– Когда мне нужно начать расследование этого дела? – спросил Дронго.

– Прямо сейчас, – взглянул ему в глаза Родионов.

– Расследование будет, конечно, неофициальным?

– Как обычно, – вздохнул полковник, – формально ты гражданин другого государства, иностранец. Тебя можно в любой момент выслать из страны. У тебя не будет ни официального

прикрытия, ни официальной поддержки. У тебя будут, как обычно, только твоя голова и твои руки. Вот все, на что ты можешь рассчитывать.

– Немного, – улыбнулся Дронго, – а теперь расскажите, зачем вы меня действительно вызвали. Я ведь уже понял, что ваше «мы» в данном случае это не ФСБ и не разведка. Иначе вы не говорили бы так о деньгах, которые по получении нужно протоколировать и сдавать государству. Так кто это «мы»? Или я не прав?

– Прав, конечно, – засмеялся Родионов, – с тобой почти невозможно разговаривать. Но я не собирался скрывать. Поэтому и говорил все время «мы», а не называл конкретного ведомства. Наши правоохранительные органы превратились в посмешище. В лучшем случае способны только на ловлю базарных спекулянтов. И то только после длительной подготовки. Из органов уходят профессионалы, и в нашей стране это самое печальное, что могло произойти.

– Этот процесс идет уже несколько лет, – терпеливо сказал Дронго.

– Поэтому мы и решили взять инициативу в свои руки, – кивнул Родионов и, обернувшись в третий раз, спросил: – Тебе говорит что-нибудь такое название, как группа «Феникс»?

Глава 3

Он вошел в свой кабинет и огляделся. Все было, как всегда, на своих местах. Еще не привыкший к этой комнате, он в первые дни всегда осматривался, словно опасаясь, что в его отсутствие в кабинете могут побывать чужие люди. Просто обычная скученность и отсутствие нормальных условий для работы были обычным явлением в прокуратуре. Он двадцать лет проработал в районных и городских прокуратурах, пока наконец не попал в Москву, где и был назначен три недели назад следователем по особо важным делам прокуратуры республики.

И почти сразу исполняющий обязанности прокурора республики поручил ему загадочное и очень громкое убийство известного банкира. Павел Алексеевич был на похоронах и видел, кто именно пришел проводить убитого банкира в последний путь. Когда в зале стали появляться некоторые министры, у него начало портиться настроение, но когда рядом с телом усопшего в почетный караул встали премьер-министр и его первый заместитель, следователь Пахомов окончательно понял, что найти убийц – это весьма проблематично. Слишком много высокопоставленных лиц на один квадратный метр появилось в этом зале, и у сравнительно молодого, сорокапятилетнего следователя уже сложилось стойкое предубеждение против самого расследования и подозрительной личности жертвы преступления. Но на шумевшее дело, как это и полагается в таких случаях, было поручено именно ему – следователю по особо важным делам прокуратуры республики, и он просто обязан был узнать тайну смерти Сергея Караухина.

Пахомов был действительно опытным и умелым следователем. Он справедливо рассудил, что розыск убийц нужно начать прежде всего с ревизии финансовой деятельности самого банкира. Но получить разрешение на ревизию в банке оказалось сложнее, чем он думал. Заместитель прокурора республики, курирующий следственное управление, долго не соглашался с доводами Пахомова, доказывая, что нет необходимости проверять банк Караухина, известный на всю страну своей надежностью и большими благотворительными акциями. Тем не менее Пахомову удалось настоять на своем, и ревизоры приступили к проверке деятельности банка, подспудно помня о том, что результаты проверки нужны и для выяснения обстоятельств гибели банкира.

Заместитель прокурора республики был отчасти прав. Дела в банке действительно шли очень хорошо, и его акционеры могли не тревожиться за будущее своих вкладов. Но отчасти прав оказался и сам Пахомов. Удалось выяснить, что Караухин несколько раз выдавал крупные кредиты без надлежащего оформления и необходимых в подобных случаях гарантийных писем. Особенно следствие заинтересовал кредит, выданный на очень льготных условиях «Гамма-банку» три месяца назад. Деньги были выданы по личному распоряжению Караухина, согласившегося на столь невыгодные условия кредита для своего банка.

По распоряжению Пахомова для допроса в качестве свидетеля был приглашен президент «Гамма-банка» Михаил Никитин, но и тот не сумел прояснить обстоятельства выдачи столь крупного и льготного кредита. Считать, что Никитин убрал своего благодетеля за такой кредит, было наивно и опасно. Пахомов понял, что с этой стороны расследование зашло в тупик.

Большую помощь следствию оказал тридцатипятилетний помощник Караухина, бывший сотрудник научно-исследовательского института Аркадий Чешихин, который действительно был в курсе многих начинаний своего непосредственного руководителя. Казалось, все шло нормально, но несколько дней назад, возвращаясь домой с очередного допроса, столь важный свидетель не сумел правильно перейти дорогу, и в результате оказавшийся на повороте автомобиль сбил его прямо у дома. Чешихин скончался по дороге в больницу.

Пахомову очень не понравилась эта «случайная авария». Он сам выезжал на место происшествия и убедился, что наезд мог быть совершен либо преднамеренно, либо в результате

принятия водителем чудовищной дозы алкоголя. Ничем другим такое происшествие просто нельзя было объяснить. И хотя милиция больше склонялась ко второму варианту, Пахомов был слишком опытным, чтобы поверить в совпадение таких двух случаев. Следовало более тщательно искать автомобиль, благо один из находившихся неподалеку свидетелей запомнил первые две цифры сбившей Чешихина машины. Павел Алексеевич исходил из своей собственной логики расследования подобных происшествий и понимал, что два убийства подряд означают нечто большее, чем просто устранение нежелательных свидетелей.

С самого начала расследования он старался не думать о возможном результате, понимая, что раскрыть подобное заказное убийство Караухина будет достаточно сложно и трудно. Но подсознательно огромная, неприличная сумма в миллион долларов, конечно, сильно давила на сознание, предопределяя все его дальнейшие действия. Он стал чаще суетиться, раздражаться по пустякам. Несмотря на все попытки забыть о награде, он хорошо понимал, что раскрытие данного преступления просто переведет его в другую категорию людей, и он сможет навсегда уйти из прокуратуры.

Пахомов любил свою работу. И не был тем привычным хапугой, какими стали в последнее время многие сотрудники прокуратуры и особенно милиции. Но он не был и ангелом. Различные подарки и мелкие услуги он, конечно, принимал с благодарностью, а однажды даже убрал из уголовного дела имя одного из обвиняемых, сестра которого помогла его дочери попасть в медицинский институт. И хотя по большому счету это была не очень суровая статья, обвиняемому грозило всего три года условно, тем не менее он два месяца ходил на работу, вздрагивая при каждом вызове к начальству и справедливо считая себя почти уголовным преступником. Конечно, все обошлось. Дочь уже училась на третьем курсе, но воспоминание о том постыдном для себя факте не давало ему покоя. Он был относительно честным человеком, каким только и должно быть в правоохранительных органах России в период безвластия и развала.

Но миллион долларов – слишком большая сумма даже для такого честного человека, как Павел Пахомов. Он видел, как настойчиво прилипают к делу все его руководители от заместителя прокурора республики до начальника следственного управления. Даже исполняющий обязанности прокурора республики несколько раз интересовался ходом расследования, улыбаясь так сладко, чтобы не оставить сомнений, кто именно получит большую часть награды в случае успешного завершения дела.

В отличие от заместителя прокурора, самого и. о. очень не любили в прокуратуре. Он пришел из президентского аппарата и вот уже три года сидел в качестве и. о. Несмотря на все попытки президента протащить свою кандидатуру на должность прокурора республики, Государственная дума раз за разом отклоняла эту слишком одиозную и очень пристрастную в своих симпатиях фигуру. Кроме всего прочего, выяснилось, что в молодые годы и. о. был негласным стукачом, исправно донося на своих товарищей по работе в прокуратуре. Этого, конечно, простить не могли, и поэтому глухая неприязнь к руководителю, переросшая в откровенную антипатию, была характерной чертой почти всех сотрудников центрального аппарата прокуратуры республики. Кроме самого Пахомова, который считал себя свободным от политических пристрастий и не очень интересовался аппаратными играми в стенах родного заведения. Может, поэтому и. о. и благоволил к Пахомову, позволил ему сделать столь стремительную карьеру и даже присвоил ему классный чин старшего советника юстиции значительно раньше срока. Но миллион долларов... Эта сумма словно светила на спине Пахомова, когда он выходил в коридор. Все коллеги провожали его завистливыми взглядами, за такие деньги они готовы были искать убийц Караухина все двадцать четыре часа в сутки.

Но Пахомова в этот день больше всего волновала машина, так некстати наехавшая на Чешихина. Войдя в кабинет, он позвонил следователю милиции капитану Перцову. Его коллега был моложе на двенадцать лет и только недавно перешел на следственную работу из уго-

ловного розыска. Может, поэтому в нем еще сохранилась прежняя импульсивность, уже не свойственная самому Пахомову.

– Как дела, – спросил Павел Алексеевич, – есть что-нибудь новое?

– Ищем автомобиль, – виновато ответил Перцов. – Пока никаких следов. Мы проверяли по нашей картотеке. У нас просто нет такого автомобиля с такими номерами. Но поиск все равно продолжаем.

– Думаешь, была не местная машина?

– Не знаю, свидетель видел только две первые цифры. Никаких букв он не запомнил. Но зато точно помнит, что на номере не было никаких флажков. Сейчас многие республики ввели у себя такие номера с национальными флажками. Думаю, что автомобиль был все-таки наш, российский, но, возможно, из провинции.

– Нужно искать, – немного раздраженно напомнил Пахомов, – я тебе говорил, что это, возможно, преднамеренный наезд. Нужно обязательно найти этот автомобиль и его владельца.

– Я понимаю, Павел Алексеевич, если что-нибудь прояснится, я вам сразу позвоню, – пообещал Перцов.

– Договорились, – он положил трубку. Так они будут искать десять лет и ничего не найдут. А у него просто нет времени. Если в течение двух месяцев он не даст конкретного результата по факту смерти банкира Караухина, просто отберут это дело и передадут другому человеку. Миллион долларов – слишком большая сумма, чтобы позволить ей уплыть на сторону. Она должна остаться здесь, в прокуратуре, и начальство сделает для этого все от него зависящее. А искать убийц все равно должен пока следователь Пахомов, и от этого никуда не денешься.

Раздался телефонный звонок. Это был прямой телефон начальника следственного управления. Пахомов быстро поднял трубку:

– Слушаю вас, Николай Николаевич.

– Что у вас по делу Караухина? – раздался глуховатый голос.

– Пока работаем, – немного раздраженно ответил он. Этого, кажется, тоже интересует слишком большая сумма.

– Медленно работаете, – мрачно заметил его собеседник, – так медленно, что нашему и. о. уже звонили из президентского аппарата.

– Пусть они сами возьмут и поищут, – предложил Павел Алексеевич, – а я посмотрю, как у них получится.

– Ладно, не горячитесь. Вы ведь знали заранее, какое дело вам поручили. Они держат его под особым контролем.

– Меня это радует.

– Там настаивают на более решительных действиях.

– Откуда они знают, что мы не действуем решительно?

– Не нужно так сердито воспринимать критику, – посоветовал начальник управления, – в конце концов, даже если мы найдем всех убийц, то и тогда не получим этого миллиона. Надеюсь, это вы понимаете?

«Он сказал „мы“, – подумал Пахомов, – тоже мне сыщик, переведенный сюда из бывшего аппарата ЦК КПСС! За всю жизнь не раскрывший ни одного преступления, а берется судить о таком сложном деле».

– Я понимаю, – сказал он, – и совсем не думаю об обещанном миллионе долларов. Меня волнует само дело. И я делаю все, что в моих силах. Я знаю, как нужно вести расследование, и занимаюсь этим уже двадцать лет. Если мне, конечно, не будут мешать.

Последние две фразы были лишними, и он почти сразу пожалел, что сказал их. В них был завуалированный намек на некомпетентность собеседника. Видимо, это почувствовал и Николай Николаевич.

– Хорошо, – с явной обидой в голосе сказал начальник управления, – но я звонил не поэтому. В президентском аппарате считают, что будет правильно, если к расследованию будет подключена и контрразведка. Мне уже звонили из ФСБ, их представитель скоро прибудет. До свидания, – уже явно беря реванш, сказал Николай Николаевич.

Пахомов бросил телефонную трубку. Конечно, все случилось так, как он и думал. Ему не дадут возможности спокойно заниматься расследованием. Теперь сюда припрется типичный кагэбэшник с маленьким лбом и угрюмым взглядом, который никакой пользы принести не сможет, а будет только мешать своими дурацкими непрофессиональными вопросами и навязчивой манией преследования. «Жалко ребят», – подумал Пахомов. В качестве помощников к нему были прикреплены двое сотрудников из городской прокуратуры. Антон Серминов и Евгений Чижов.

«Теперь эти парни увидят, как можно мешать нормальному расследованию», – со злостью подумал Пахомов. Впрочем, к этому нужно было относиться спокойнее. В свое время ему не меньше мешали и партийные чиновники из различных инстанций, пытаясь вмешиваться в ход расследования.

В дверь постучали.

«Уже, – обреченно подумал Пахомов, – чего не отнимешь у нашей доблестной контрразведки, это умения быстро реагировать. Всегда и во всем. Главное, ноги, голова – это лишь ненужное приложение к ногам и рукам».

– Войдите, – крикнул он.

«Конечно, офицер ФСБ прошел внизу без предварительной заявки, – подумал он, – лишь показав свое удостоверение».

Дверь отворилась, и в комнату вошел человек. В это невозможно было поверить, но нельзя было не верить собственным глазам. Перед ним был Валя Комаров, тот самый Валя, с которым они вместе учились в Рижском университете на юридическом факультете. Они не виделись уже столько лет после окончания университета, но Пахомов сразу узнал старого товарища, несмотря на большую потерю волос его некогда огненно-рыжей шевелюры. Сейчас Комаров был почти лысым, но улыбка, характерный разрез глаз – мать у Валентина была чувашка, – порывистые движения были такими же, как в молодости.

– Валя, – удивился Пахомов, вставая из-за стола, – откуда ты взялся?

– Узнал, старый пень, узнал, – обрадовался Комаров, обнимая университетского товарища. Тебя разве не предупреждали насчет меня?

– Так ты и есть тот самый представитель ФСБ, которого решили подключить к этому делу? – не поверил в такую удачу Пахомов.

– Подполковник ФСБ Валентин Комаров, – улыбаясь, сказал Валя, – хочешь, покажу удостоверение?

– Не нужно. Я знаю, как тебя зовут. А без удостоверения контрразведки тебя бы просто не пустили в наше здание. Садись, рассказывай, где ты, откуда. Ты ведь попал тогда по распределению, кажется, в Мурманск.

– Ну и память у тебя, Пашка. Точно, в Мурманск. Там я и отслужил целых четыре года, а потом перевели в Эстонию и взяли на работу в КГБ.

– Значит, ты старый стукач, – улыбнулся Пахомов, – вот кто у нас на факультете стукачом был.

Согласно негласным правилам, в советские времена на юридических факультетах, в юридических институтах, как правило, из студентов вербовали негласных осведомителей для более успешного распределения будущих следователей и прокуроров.

– Нет, – сразу возразил Комаров, – я поступил на работу в КГБ следователем, по своей профессии, официально. И только спустя четыре года после окончания университета.

– И с тех пор сидел в этой организации?

– Да, почти двенадцать лет. В основном в Прибалтике, до девяносто первого. А потом уже здесь, в Москве. Перевели в центральный аппарат. Теперь подключили к твоему расследованию. Не возражаешь?

– Не очень, – улыбнулся Пахомов, – я боялся, что пришлют какого-нибудь идиота, который будет мешать нормально работать. И представляешь, как я обрадовался, когда увидел тебя. Ты хоть знаешь, чем отличается Уголовный кодекс от Уголовно-процессуального?

– Не любишь ты нашу организацию, – улыбнулся Комаров.

– Не люблю. Ты ведь помнишь, наверное, деда у меня в тридцать седьмом расстреляли. Бабушка до самой смерти вздрагивала при каждом ударе в двери, даже у мамы замечал этот испуг. Не люблю я вашу организацию, Валя, здесь уж ничего не поделаешь.

– Надеюсь, это ко мне не относится?

– Я же не сказал, что не люблю и всех работающих в этой организации, – сразу парировал Пахомов. – Давай лучше садись ближе к столу, я постараюсь тебе коротко все рассказать по этому проклятому делу.

– Миллион долларов? – понял, в чем дело, Комаров.

– Все словно с ума посходили, – вздохнул Пахомов. – Кроме того, Караухин был в довольно неплохих отношениях с нынешним правительством, вот они и давят, требуют быстрее найти виноватых.

– Как обычно. У нас все дела такие, – кивнул Комаров. – С женой покойного беседовал?

– Конечно. Она вообще не в курсе его дел. Это пустой номер. Ты сам женат?

– Был, – помрачнел Комаров, – жена эстонка, осталась в Прибалтике. Вместе с сыном. Теперь уже за границей. А у тебя как?

– Две дочери, – ответил Пахомов. – Я ведь женился почти сразу после окончания университета. Старшей уже девятнадцать. На третьем курсе медицинского. А младшая пока ходит в школу. Я тебя познакомлю с женой, прямо сегодня вечером поедem к нам домой.

– Договорились.

«Он все-таки изменился», – подумал Пахомов. Улыбка у Вали была не такая, как прежде. Раньше он улыбался широко и открыто. Теперь улыбка была только своеобразным ритуалом. И не более того.

Он еще успел подумать, как нелегко Вале одному, когда зазвонил городской телефон. Пахомов поднял трубку.

– Павел Алексеевич, – услышал он взволнованный голос Чинова, – мы нашли автомобиль, сбивший Чешихина.

– Сейчас выезжаем, – сразу все понял Пахомов.

– Что случилось? – спросил Комаров.

– В дороге все объясню. Кажется, тебя называли на факультете Везунчиком? Ты всегда доставал тот билет, который хотел. Будем считать, что ты приносишь удачу. Поехали быстрее.

Глава 4

– Мне казалось, что это вымыслы журналистов, – подумав, сказал Дронго. – Неужели группа «Феникс» действительно существует?

– Судя по всему, да. Можешь мне поверить, – мрачно ответил Родионов, – но это не мы. Мы собрались вместе, чтобы обсудить возможность контактов с этой неуловимой группой. И, конечно, возможность совместного расследования убийства Караухина.

– Кто это мы?

– Группа ветеранов «Альфы» и КГБ, – сразу ответил полковник. Дронго обратил внимание, что Родионов не сказал привычного словосочетания «бывшего КГБ», но не стал переспрашивать.

– Судя по всему, костяк этих людей составляют те, кто покинул ряды Комитета государственной безопасности сразу после августа девяносто первого. Всех оставшихся в КГБ после назначения Бакатина они считают предателями и соответственно не хотят иметь с этими людьми ничего общего. Как видишь, в категорию предателей попал и я, хотя и подавал рапорт об увольнении еще первого сентября. Но тогда несколько моих подопечных, в том числе и ты, находились за рубежом. Мое увольнение в результате растянулось на три месяца, и я был уволен из органов КГБ лишь в начале декабря.

– Я помню, – кивнул Дронго, – кстати, кажется, за нами следят.

– Да? – Родионов не обернулся, для этого он был слишком хорошим профессионалом. – С чего ты взял? Мне так не показалось.

– Просто я иду слева от вас, – тихо сказал Дронго. – Вам с этой стороны довольно трудно заметить, а я обратил внимание еще раньше, на другом конце улицы стоит автомобиль, который ждал нас у кафе. Сейчас он переехал поближе к нам. Бежевый «Москвич».

– Кажется, я старею, – пробормотал Родионов, – и не нужно меня успокаивать. «Слева от вас», – передразнил он своего молодого собеседника, – придумаешь же такое объяснение.

– У вас включен скэллер? – спросил Дронго.

– У меня его нет, – покачал головой Родионов. – Сейчас нет, – добавил он непонятно почему.

– Плохо, – пробормотал Дронго, – они могли слышать нас и знать, о чем мы говорим. Кажется, направленный луч позволяет услышать разговор даже в закрытой комнате?

– А почему у тебя его нет? – спросил в свою очередь Родионов.

– Вы забыли, откуда я приезжаю? Из-за границы. А если меня остановят на границе и спросят, откуда у меня специфическое шпионское оборудование? Я им сказки буду рассказывать про ООН? Или про Интерпол? А если они попросят предъявить какие-нибудь документы? Или мне нужно было показывать телеграмму с вашим вызовом? Вообще мне все это ужасно надоело, – вдруг заявил Дронго, – ваши склоки, ваши неприятности. Разбирайтесь сами, без моего участия. В конце концов, это ваша страна.

Даже Родионов поверил в его искреннее негодование. На этом и строился весь расчет.

– С ума сошел, – удивился он, – чего ты кричишь на всю улицу?

– Да надоело мне все это, – почти искренне сказал Дронго, – сколько можно так жить? Прятаться, лгать. Просто надоело.

В глазах полковника что-то мелькнуло. Кажется, он начал понимать.

– А я очень рассчитывал на твою помощь. Мы тут говорили с ребятами, они считают, что ты можешь нам помочь.

– Напрасно. Я и приехал только для того, чтобы сообщить вам о своем отказе.

– Мы думали, ты можешь расследовать это преступление. Все-таки миллион долларов, – Родионов уже понял все и включился в игру.

– За такие деньги вы можете найти кого угодно. Хоть целую бригаду следователей. Или частных детективов. У меня ничего не выйдет. Я слишком оторван от вашей жизни, слишком давно не занимался расследованием подобных уголовных дел. И потом, я никогда не работал следователем. Нет, полковник, пусть лучше убийца Караухина или эту вашу группу «Сокол» ищет кто-нибудь другой.

– «Феникс», – терпеливо поправил его Родионов, – группа, кажется, называется «Феникс». Но возможно, что это только наше предположение. Может, такой группы вообще не существует. Очень жаль, что ты отказываешься. Мы рассчитывали на твою помощь.

– Я просто не смогу квалифицированно провести расследование.

Они говорили все эти фразы в расчете на следующий за ними автомобиль. Их разговор вполне могли слышать, и Дронго было важно изобразить возмущение, чтобы подтвердить правильность своих выводов. Если их действительно слушали профессионалы такого класса, как они сами, им не поверят. Слишком стремительным был переход от делового обсуждения предстоящего расследования до полного отрицания любого сотрудничества. Если их просто слушали обычные оперативники службы безопасности, то они вполне могли поверить в такую легенду. Таким образом, изображая подобный отказ, он осуществлял обычную проверку, выясняя, кто именно следит за ними. И применяют ли при этом наблюдающие современные технические средства. Ответом на второй вопрос выяснялась степень заинтересованности наблюдающих.

– Я вернусь в гостиницу, – сказал Дронго, не изменяя своего тона. – Мне очень жаль, что так получилось.

Он протянул руку.

– Мне тоже жаль. Я буду у Миши. До семи часов, – Родионов потер щеку двумя пальцами. – Если захочешь, позвони.

– Обязательно, – он тоже дотронулся до щеки, но уже пятью пальцами.

Это был их обычный условный знак. В данном случае слова полковника «у Миши» означали у здания «Молодой гвардии», так говорили разведчики на своем жаргоне в середине семидесятых. Как профессиональный разведчик Родионов тоже осуществлял свою проверку. Если их поймут и в семь часов вечера у здания бывшего комсомольского издательства будут наблюдатели, значит, следящие за ними профессионалы работали в КГБ уже много лет назад. И это вполне могут оказаться члены той самой неуловимой группы «Феникс». Если не поймут, значит, более молодые и менее опытные сотрудники постараются держать Родионова и его собеседника под своим жестким наблюдением.

Но, несмотря на все проверки и ухищрения, оба собеседника должны были встретиться и поговорить без лишних свидетелей. Поэтому, говоря «у Миши», полковник условно показал ту цифру, которую нужно вычестить из его слов. В ответ Дронго показал ему цифру «пять», давая понять, что понял его жест.

Только после этого они расстались, и Дронго, поймав такси, поехал в свою гостиницу. Машина преследователей шла за ним. Значит, приехавший Дронго интересовал наблюдателей больше, чем полковник. Пока все шло правильно.

Уйти от наблюдения в гостинице было совсем нетрудно. Но Дронго решил проверить все еще раз и, выйдя из отеля в четыре часа дня, довольно долго мучил своих преследователей в метро, пока наконец не оторвался от них окончательно. Ровно в пять часов он был уже у издательства. В десять минут шестого рядом с ним резко затормозила машина. Это была «девятка» с полковником за рулем.

– Садись быстрее, – кивнул Родионов.

Только когда они отъехали достаточно далеко, Родионов показал на скэллер, лежавший в машине, и спросил:

– Быстро оторвался?

- Не очень. Все-таки это были профессионалы.
- Не поверили, что ты отказался? – понял Родионов.
- Нет.
- Это тоже результат. Они приедут к издательству в семь часов вечера?
- В этом я не уверен.
- Все-таки не «Феникс»?
- Конечно, нет, но ребята серьезные, вполне возможно, что из контрразведки. Только непонятно, почему они вышли на вас и на меня. У вас неприятности с законом? Или просто ваши бывшие коллеги решили на всякий случай подстраховаться?
- Это все связано с группой «Феникс», – пробормотал полковник. – Они тоже ее ищут.
- Насколько я понял, там должны были собраться совсем неплохие профессионалы.
- Лучшие. Особенно из контрразведки и Пятого управления. Там были настоящие мастера своего дела. Они все уволились из КГБ в сентябре девяносто первого. А потом этот несчастный Бакатин начал свои чистки.
- Может, просто взять списки всех уволенных в то время и через них выйти на «Феникс»? – предположил Дронго.
- Не получится. Во-первых, профессионалы не станут просто так все рассказывать. Во-вторых, тогда были уволены десятки тысяч людей. Несколько десятков тысяч. Всех проверить просто невозможно.
- Я понял, что с этой группой вы связываете каким-то образом убийство Караухина. Правильно?
- Да, так нам кажется. Понимаешь, Караухин был очень дружен с бывшим руководителем службы безопасности Виктором Баранниковым.
- И за это его убили?
- Не иронизируй. Но тем не менее ты прав. Возможно, это и был главный мотив для убийства.
- Вы думаете, это обычная месть? По-моему, мы говорили о документах.
- Правильно. И вот, по нашему мнению, эти документы Баранников, опасавшийся своего ареста, осенью девяносто третьего передал Караухину.
- Его могли тогда арестовать?
- Конечно. Был шумный скандал с поездками жен Баранникова и Дунаева в Швейцарию на деньги «Сиабеко». Один из них был тогда министром безопасности, другой заместителем министра внутренних дел. Представляешь уровень этих документов?
- Дронго молча слушал.
- Так вот, – продолжал полковник, – по нашему мнению, это списки агентуры. Высокопоставленной агентуры, многие представители которой сейчас находятся у власти. Понимаешь, что это значит?
- Такие бумаги стоят не миллион долларов, – кивнул Дронго, – гораздо больше.
- Правильно. Когда сняли Баранникова, началось расследование этой поездки в Швейцарию. А потом оппозиция решила сделать отставного министра своим собственным министром безопасности. Во время октябрьских событий девяносто третьего года в Москве Руцкой даже сделал Баранникова министром. Правда, всего на несколько дней. Но именно тогда опытный Баранников или кто-нибудь из его окружения передал эти документы на хранение банкиру. Потом были октябрьские события и арест Баранникова. Кстати, именно после осени девяносто первого банк Караухина необъяснимо получил несколько очень крупных займов и кредитов. Да и правительство почему-то сразу подобрело к этому банку. Понимаешь?
- Он их шантажировал документами?

– Не обязательно. Возможно, просто намекал на наличие таких документов в его банке. Понимаешь, что это значило? В руках Караухина были документы совершенно уникальные, способные взорвать всю политическую систему современной России.

– И тогда его убили.

– С ним пытались договориться, но, видимо, не получилось. Весь вопрос в том, кто именно его убил. Коллеги Караухина, видимо, тоже знавшие о наличии таких документов, правильно ставят вопрос. Им даже не важно, накажут конкретных исполнителей или нет. Им крайне важно знать – кто именно стоял за этим преступлением. Уже одно это стоит миллиона долларов. А если найдут документы, то любой банкир отдаст за них десять миллионов, не задумываясь. Да и любое зарубежное государство тоже.

– Понятно, – вздохнул Дронго, – опять я должен влезать в это дерьмо. В общем, как обычно, против меня будут все – служба безопасности, которая тоже ищет эти документы, прокуратура и милиция, которая сама проводит свое расследование, друзья покойного, наконец, ваша неизвестная группа «Феникс», которой тоже нужны эти документы. Очень приятная перспектива, вы не находите? Кстати, зачем эти документы «Фениксу»?

– Видимо, для того, чтобы опубликовать их, – предположил Родионов, – или просто убрать этих людей со своих мест. Любыми доступными им методами. Ты знаешь, почему они взяли себе название «Феникс»?

– Догадываюсь. Они хотят своего возрождения.

– Да. И очень может быть, что именно эта группа убрала Караухина. Эту версию нельзя исключать. Хотя лично я считаю, что это маловероятно. По моим оценкам, там должно быть несколько специалистов твоего класса, а это значит, что они умеют убивать людей совсем другим, менее шумным способом.

– А если это сделано специально?

– Что специально? – не понял Родионов.

– Может, эта группа решила убрать Караухина столь экстравагантным образом, чтобы отвести от себя подозрение. Конечно, профессионалы так не действуют, стреляли, как в гангстерских фильмах, с шумом на всю улицу. Но ведь Чешихина убрали более аккуратно, уже без лишних выстрелов.

– У тебя мозг работает, как компьютер, – с восхищением сказал полковник, – поэтому я тебя и позвал. Постарайся что-нибудь раскопать. Нас это очень интересует.

– Вы все-таки не сказали, кого это – «нас». Или это действительно только группа ветеранов, играющих в домино?

– С тобой всегда интересно разговаривать, – засмеялся Родионов. – Хорошо, будем считать, что эти списки очень нужны оппозиции для победы на очередных выборах. Тебя устраивает такой вариант ответа?

– Почти. С кем мне нужно держать связь?

– Только со мной. Если меня не найдешь, тогда позвони полковнику Иваницкому. Номер телефона я тебе сейчас продиктую. – Родионов продиктовал семизначный номер. – Скажи, что звонишь по поручению Петра Петровича. Он все поймет.

– Ясно. Что еще?

– Вот здесь деньги. Пять тысяч долларов.

– Почему так много?

– Багиров сейчас в Англии. Его лечат в какой-то частной клинике. Тебе нужно будет обязательно с ним встретиться.

– Понимаю.

– Я тебе не сказал, кто именно с ним сидел в автомобиле. Там погиб адвокат Гольдберг, может, ты слышал такую фамилию?

– Я его даже немного знал.

– И кого он обычно представляет, тоже знаешь?

– «Жрецы»?

– Да, преступная группа Рубинчика. Они просто так не подставляют своих людей. И, насколько я их знаю, не простят убийство такого человека, как Яков Гольдберг. Тебе нужно обязательно поговорить с Багировым. Конечно, если он захочет с тобой говорить. Адрес клиники лежит в конверте, хотя его люди очень строго охраняют эту тайну. Будь осторожен.

– Ясно. Что еще?

– До Лондона тебе предстоит еще одна поездка. В Ташкент.

– А туда зачем? При чем тут Ташкент?

– За месяц до смерти Караухин летал в Ташкент.

– Ну и что? Он мог слетать на Канарские острова. Туда мне лететь не нужно?

– Не торопись. Он летал не один. А с Чешихиным, со своим помощником.

– Я бы удивился, если бы он полетел туда с вами.

– После смерти Караухина Чешихин вылетел в Ташкент вторично, прямо на следующий день. И через день вернулся. Понимаешь?

– Это очень серьезно. У вас точная информация?

Родионов обиженно покачал головой.

– Он даже не стал дожидаться похорон своего шефа. И, кстати, летал туда за свой счет. Вот у меня и возникла мысль, что документы, возможно, находятся там. Или нечто такое важное, что заставило Чешихина лететь туда, бросив труп своего хозяина.

– Вы знаете, с кем именно он встречался в Ташкенте?

– Не всех, но знаем. В Узбекистане находится филиал банка Караухина. Его возглавляет некто Будагов. Иса Будагов. Его адрес тоже записан и лежит в этом конверте. По нашим сведениям, он имеет очень тесные связи с многими высшими руководителями Узбекистана. Среди его ближайших друзей и прокурор города Ташкента Камалов. Очень колоритная фигура. В свое время проходил даже в качестве одного из обвиняемых по «хлопковым делам». Потом был реабилитирован, против него ничего не смогли доказать. Тогда он работал в управлении общего надзора прокуратуры республики и дело против него вело КГБ республики. Кое-что нам удалось узнать. Камалова считают креатурой Будагова. До своего назначения прокурором города он был юрисконсультом банка. Догадываешься, какого?

– Догадываюсь. Это Будагов устроил его на новую должность?

– Да, попросил премьера. Тогда состоялся первый визит Караухина в Ташкент и его встреча с заместителем премьера. После этого Камалов и был назначен прокурором города.

– Чешихин с ним был знаком?

– Этого мы не смогли узнать.

– Что-нибудь еще?

– Да, у нас есть очень интересные факты. После своего назначения Камалов начал беспощадную борьбу с торговцами наркотиками. По его личному указанию начали проводиться рейды, были сняты с работы два начальника милиции, прокурор одного из районов города. Понимаешь, что интересно? Так в Ташкенте еще никто не действовал. Жестко и напористо. Не мне тебе говорить. На Востоке свои традиции. Там просто нельзя размахивать мечом направо и налево. Это в Англии или в Германии прокурор может себе позволить быть беспощадным и строгим. Но на Востоке так действовать просто непозволительная роскошь. Понимаешь, он проявляет какое-то особое рвение. Ты считаешь это нормальным?

– Время негодяев, – покачал головой Дронго, – где-то я читал подобную книгу. Почему, если мы вдруг узнаем о честном и справедливом прокуроре, у нас сразу появляются сомнения. Никто уже просто не верит в честного прокурора или работника милиции. Нас развратила гласность.

– Это ты мне говоришь? – прищурился Родионов. – Ты действительно считаешь, что можно быть честным прокурором в Ташкенте?

– Если честно, то, конечно, нельзя, – вздохнул Дронго, – просто не дадут работать. В Средней Азии и в Закавказье честный прокурор – это почти идиот, а идиотов на работе долго не держат. Как только в Грузии начались политические разборки между разными партиями, моментально появились многочисленные банды рэкетиров и вымогателей. В республиках Средней Азии, не считая Таджикистана, где у власти достаточно сильные, прагматичные политики, почти нет рэкета. Знаете почему? В качестве «официальных сборщиков налогов» выступают прокуроры, начальники милиции, руководители местных органов власти. Рэкетирам просто не остается никаких денег.

– И ты еще смеешь говорить после этого о честном прокуроре? – рассмеялся Родионов. – Когда думаешь вылетать?

– Если есть рейс, то прямо сегодня.

– В гостиницу вернешься?

– Нет, конечно. Куплю, как обычно, все себе в дороге. Вы знаете, сколько зубных щеток я поменял в жизни? Наверняка штук сто. Каждый раз покупаю новую. За номер у меня заплачено за два дня вперед. Можете появиться завтра и взять вещи. Вот ключи от моего номера. А это карточка гостиницы.

– Хорошо. Когда вернешься из Ташкента, позвони мне по телефону. Знаешь, куда звонить?

– Как обычно, вашей сестре.

– Правильно. Давай выходи. Я сделаю круг и вернусь к издательству. Посмотрю, нет ли там наших преследователей.

– Думаете, они приедут? – спросил Дронго. – Это не «Феникс», я в этом уверен. Там были молодые ребята.

– Все равно нужно проверить. До встречи.

– До свидания. Я не спросил, как ваши внуки?

– Уже большие, – заулыбался полковник, – старший собирается идти в первый класс. –

Он протянул руку: – Береги себя.

Дронго взглянул ему в глаза:

– А вы себя.

– Знаешь, – сказал вдруг полковник, – у меня ведь было много способных ребят. Но такого профи, как ты, я не встречал ни разу. Это не комплимент, просто я слишком стар и лучшего специалиста, наверно, уже не встречу. Удачи тебе.

Дронго вышел из автомобиля и пошел к станции метро.

Родионов повернул автомобиль обратно. К зданию издательства он подъехал без пяти минут семь, остановился в ста метрах от входа. Все было спокойно.

«Нужно будет заехать в магазин, взять хлеба, – вспомнил он. – Кажется, Дронго прав, здесь все в порядке».

У издательства по-прежнему никого не было.

«Откуда они узнали, что я встречаюсь с Дронго в кафе? – подумал Родионов. – Ведь об этом месте никто знать не мог. И о моем вызове тоже никто не знал. Хотя нет, кто-то знал. Мы обсуждали этот вопрос втроем. И я предложил вызвать Дронго. Значит, кто-то из них. Как странно. Один из них мог сообщить о предстоящей встрече с Дронго. Но зачем? Если это группа „Феникс“, то почему они не выходят с нами на связь, а поддерживают контакты лишь с одним из нас? Обоих своих собеседников я знаю много лет, кажется, пятнадцать-двадцать. Зачем им выдавать место моей встречи? А если за нами следили ребята из ФСБ? Тогда и вовсе непонятно. Получается, что один из боевых офицеров стал стукачом. Этого не может быть никогда. Может, они вышли на нашу встречу через Дронго, но это тоже невозможно. Нет, так

гадать нельзя. Нужно будет уже завтра утром собрать наших друзей и честно переговорить. Мы сумеем установить, откуда пошла утечка информации и почему за нами был такой „хвост“.»

Было уже десять минут восьмого. У издательства по-прежнему никого не было.

В этот момент Родионов заметил, как к нему подошел молодой человек лет тридцати. Он был невысокого роста, темноволосый, с несколько асимметричным лицом, словно вначале были изготовлены две половинки его лица, а затем склеены вместе. Левая бровь была несколько выше правой. Незнакомец как-то особенно неприятно улыбался.

– Вы не скажете, как проехать в центр? – спросил он.

– Здесь почти центр, – удивился Родионов. – Какое именно место вам нужно?

Вместо ответа незнакомец почему-то вытащил пистолет.

«Как глупо, – подумал с досадой Родионов. – Все это так глупо».

Два выстрела глухо раздалось в автомобиле.

Глава 5

На Алайском рынке Ташкента было, как всегда, многолюдно и шумно. Перемены, происходящие последние десять лет, казалось, не коснулись центрального базара города, где по-прежнему кричали торговцы, дымились шашлычные, сустились покупатели. Рынок жил по своим внутренним, строго определенным законам. Хотя, если бы здесь попался внимательный наблюдатель, он бы наверняка обратил внимание на некоторые изменения, незаметные при беглом знакомстве. На рынке почти не осталось русских продавцов, ранее бойко торговавших овощами и соленьями. Их место заняли многочисленные таджики, и без того составлявшие очень большую часть населения Узбекистана. После трагических событий в соседнем Таджикистане, где развязанная гражданская война унесла жизни десятков тысяч людей, в стабильный и благополучный Узбекистан потянулись тысячи беженцев, благо граница между республиками почти не охранялась.

В свою очередь, среди покупателей стало гораздо меньше людей со славянскими чертами лица. Явно прибавилось кавказцев, спасаясь от внутренних и внешних войн, многие азербайджанцы и армяне предпочитали переезжать в Среднюю Азию, где у них оставались родственники. Веянием времени стало появление турок, прочно освоивших рынки азиатских государств.

Старый Алескер сидел на этом рынке уже пять десятков лет, еще с тех пор, когда на войну ушел отец и ему, совсем еще мальчику, пришлось отнести на базар овощи их собственного огорода. Семья жила тогда на краю города, и на центральный рынок он попадал благодаря соседу – дяде Семену, который бесплатно отвозил его вместе с продукцией по утрам на рынок. С тех пор Алескер привык ездить на Алайский рынок и стал одной из достопримечательностей базара, ежедневно появляясь на рынке за полчаса до его открытия.

Дети и внуки его избрали совсем другую профессию. Один из внуков даже стал летчиком, летал по маршруту Ташкент – Москва. Другой – преподавателем в университете. Только вот старый дед все никак не соглашался покинуть свое место на рынке и уйти на заслуженный отдых.

В этот день Алескер, как всегда, встал ровно в полдень, чтобы совершить намаз, ежедневную молитву, полагавшуюся правоверному мусульманину. Он не был особо верующим, просто привычка к подобному ритуалу сохранилась в нем еще с молодости, когда намаз совершал дед, истово верующий мусульманин, умудрившийся даже исполнить хадж в Мекку.

Он уже заканчивал молиться, когда услышал голоса. Один из них показался ему знакомым. Он привычно закончил молитву и, поднявшись на ноги, подошел к задней стенке своего небольшого магазинчика, завешенного ковром. В соседней лавке явно говорили о чем-то тревожном. То и дело слышался гневный голос одного из говоривших. Алескер вспомнил наконец этот голос. Это был Рахимов, начальник милиции их района. А вот второй собеседник был ему незнаком.

– Ты пойми, – гневно говорил Рахимов, – если вы так будете работать, у нас ничего не выйдет. Я людей твоих вечно из дерьма вытаскивать не буду, надоело. Ты это учти.

– Зачем грозишься, начальник? Мы ведь все прекрасно понимаем. Просто ошиблись. В этот раз так получилось, больше такого не повторится.

– В прошлом году ты говорил то же самое.

– В прошлом году не было Камалова. А теперь он сидит на таком месте и мешает нам работать.

– Это не мое дело. И не твое. Ты свое дело сначала научись делать правильно, а уже потом берись судить других людей.

Разговор шел на узбекском, и говоривший с Рахимовым незнакомец изъяснялся с легким акцентом. «Так обычно говорят таджики, привыкшие к своей фарсидской речи», – подумал Алескер.

Тюркоязычные народы Средней Азии – казахи, узбеки, туркмены, киргизы – говорили на родственных языках, несколько похожих на турецкий. Из-за сильного многовекового разобщения эти языки, принадлежавшие к одной группе, довольно сильно различались. Лишь азербайджанский язык оказался очень похожим на турецкий, за исключением нескольких слов и обращений. В первом случае встречались русские слова, во втором – французские.

Таджики единственные из народов Средней Азии говорили на фарси, языке, схожем с языками своих соседей в Иране и Афганистане. Когда таджики переходили на узбекский, это сразу чувствовалось и незаметный акцент выдавал говорившего.¹

– Просто я хотел вам напомнить, уважаемый, что иногда бывают ошибки и не по нашей вине.

– Это меня не касается. С меня тоже долю требуют. И начальник городской милиции, и министерство. Все знают, что рынок на моей территории. А вместо денег я должен давать им твои объяснения? В таком случае меня быстро выкинут и возьмут другого. А тот, новенький, потребует с вас в два раза больше, это ты должен понимать.

– Мы все понимаем. И поэтому очень высоко ценим вас. Просто в этот раз произошло досадное недоразумение. Мы обязуемся заплатить и за этот случай, хотя все и сорвалось, вы можете не беспокоиться. Главное, чтобы груз дошел до Ташкента.

– Не беспокойся. Мои люди встретят ваш груз еще на границе и привезут все сюда в целости и сохранности.

– Да услышит ваши слова Аллах!

– Вы только не забывайте о моей доле, и все будет нормально.

– Конечно, конечно.

– А что там за человек прошел с вашим грузом на границе?

– Какой человек? – даже Алескер понял, как испугался собеседник Рахимова, услышав его изменившийся голос.

– Ты мне дурака не валяй. Ты мне скажи, откуда взялся этот человек. И почему он не пошел с грузом, как обычно?

– Вам и это сказали? – растерянным голосом спросил незнакомец.

– Я поэтому и работаю столько лет в милиции, чтобы все знать. Мне все говорят. Пограничники решили, что это ваш человек, и, как обычно, пропустили всех. Но мой человек знает всех твоих людей в лицо. Он и заметил этого незнакомца, который потом ушел в другую сторону. Тебе мало наркотиков, шпионажем решил подзаняться? Совсем с ума спятил?

– Кто вам сказал, уважаемый, этого быть не может.

– Я все знаю. Слава Аллаху, у нас еще не все развалено, как в твоей республике. Здесь у нас порядок.

«Значит, таджик», – подумал Алескер. У них в республике действительно творились страшные дела, убивали друг друга братья и соседи. Гражданская война унесла жизни почти ста тысяч человек, и конца этому массовому кровопусканию не было видно. Если бы не вмешались российские войска, победа противников исламского режима в Таджикистане представлялась крайне проблематичной.

– Понимаю, – кажется, этот таджик о чем-то задумался.

---

¹ Подобный акцент характерен даже для людей, часто говорящих на фарси. Когда встречаются два азербайджанца, один из которых из Южного Азербайджана, находящегося в Иране, а другой из Северного, собственно и считающегося Азербайджанской Республикой, этот акцент между говорящими на одном языке сразу и явно заметен.

– Ничего ты не понимаешь. Откуда взялся этот неизвестный? Я чуть не убил своего человека, когда он мне об этом сообщил. Хорошо еще, что он сумел запомнить того в лицо. Теперь будем готовить специальное сообщение с описанием примет преступника, нелегально проникшего на нашу территорию. Ты этого добивался?

– Вы этого не сделаете, – растерянно сказал собеседник Рахимова.

– Еще как сделаю, – довольным голосом сообщил начальник милиции. – Если будете дурака валять и не платить мне деньги по-прежнему. Здесь, на рынке, я хозяин. И весь груз должен через меня идти.

– Мы будем платить, как договорились.

Алескер вспомнил о небольшой дырочке в ковре. Собственно, поэтому он и повесил этот старый ковер, отделявший его лавку от лавки соседа. Он наклонился и осторожно посмотрел. Оба говоривших сидели на маленьких стульях у столика. Рахимов сильно потел и все время вытирал свое характерное лицо с обвисшими щеками и большими черными усами. Большие, навывкате, глаза и всегда бритая голова делали его похожим на эмирских палачей, практикующих в начале века на площадях Бухары и Самарканда. Его собеседника Алескер разглядеть не мог, мешала фигура самого Рахимова.

– Это хорошо. И за незнакомца отдельно заплатишь. Чтобы больше никаких контрабандных переходов у меня не было, – строго сказал Рахимов и встал со стула, намереваясь наконец удалиться. Все, что случилось потом, старый Алескер вспоминал, как дурной сон. Если бы этого не произошло, он бы, конечно, тихо отошел от ковра и привычно занялся своим делом. В конце концов, на Востоке главные достоинства человека – сдержанность и деликатность. Какое ему дело до денег Рахимова или контрабандных операций его собеседника. Базар не любит лишних вопросов, сюда приходят торговать и торговаться, чтобы получить выгоду. Откуда и зачем привезен товар, кто его фактический владелец, какова первоначальная цена, сколько заплачено перекупщикам, какой была оптовая цена поставленного товара – все эти вопросы считаются неприличными и не задаются вслух. Ты можешь узнать цену понравившейся тебе вещи и имеешь полное право торговаться. Но лишние вопросы задавать не стоит. Восток ценит в людях сдержанность прежде всего.

Алескер забыл бы об этом разговоре уже через три часа. Взятничество начальника милиции было известно всему рынку и не вызывало никаких отрицательных эмоций. В конце концов, человеку нужно на что-то жить. И деловая смекалка его партнера, перевозившего грузы через границу с молчаливого одобрения правоохранительных органов, тоже не вызывала никаких возражений. И таджику-контрабандисту тоже нужно было жить и кормить свою семью. Все было в рамках тех негласных правил, которые установились в Узбекистане на протяжении последних десятилетий. Но привычный ход рассуждений старика был нарушен самым невероятным образом...

Внезапно в соседнюю лавку зашли двое молодых ребят. Просто молча вошли и, ничего не сказав, встали у входа.

– Что вам нужно? – гневно рявкнул Рахимов, уже вставший со стула. – Видите, мы разговариваем. – Он был в штатском, но всем своим видом ясно давал понять, кто здесь хозяин.

– Ты нам нужен, – сказал один из ребят, внезапно доставая какой-то большой пистолет с длинным дулом. Выстрелов Алескер не слышал, только приглушенные хлопки. И вдруг Рахимов, захрипев, повалился на пол, опрокидывая столик с чайником и стаканами. Парень чуть изменил направление дула, и вот уже на пол падает и собеседник Рахимова, не сумевший в последний момент удивиться этому невероятному обстоятельству. Испуганный Алескер даже не подумал отойти от ковра. Он просто стоял и смотрел. Представить себе, что кто-то на Алайском рынке посмеет не только выстрелить, но и вообще громко говорить с Рахимовым, было невозможно. И вдруг эти двое так быстро и аккуратно расправились с самим Рахимовым. Это было потрясение основ. Стрелявший подошел к Рахимову и для верности сделал еще один

выстрел в голову. Потом, подойдя к таджику, тяжело раненному, но живому, он прикончил его все тем же профессиональным выстрелом в голову. Затем поднял голову.

У Алескера замерло сердце. Он понимал, что тонкий ковер не самая идеальная защита от бандита, вздумай он сейчас снова открыть огонь.

Но, даже подумав об этом, он не двинулся с места, словно кто-то произнес древнее заклятие. Убийца осмотрелся, наклонившись, пошарил в карманах убитого, забрал у таджика какое-то письмо и передал его своему напарнику, после чего оба спешно покинули лавку.

«Хорошо, что ушел Джаббар, – подумал Алескер, – иначе старик разделил бы участь убитых».

Он отошел от ковра, вздохнул. Через несколько минут вернется Джаббар, очевидно оставивший своего грозного гостя для беседы с незнакомцем. Несчастный. У него девять детей. Джаббара теперь не просто посадят, его могут даже расстрелять. Убил начальника милиции и его гостя. Никто не поверит, что Джаббар просто не имел такого пистолета, стрелявшего почти без шума. И маленькие дети соседа останутся без отца и кормильца. Алескер тяжело задумался.

– О Аллах, – взмолился старик, – ты посылаешь мне очень серьезное испытание. Что мне делать? Промолчать или рассказать всем, что я видел? Как мне поступить?

Послышались чьи-то шаги. Алескер замер от ужаса, но это был случайный прохожий, спешивший мимо. Просто он прошел очень близко от их лавки. Старик вздохнул. Кажется, пронесло. Но Джаббар все равно войдет в свою лавку и увидит эти два труп. Алескер думал долго, мучительно долго. Он вспоминал тяжелую жизнь своего вечно нуждающегося соседа, случайно оказавшегося владельцем лавки после смерти своего богатого брата. В отличие от удачливого брата дела у многодетного Джаббара шли не столь блестяще, и он часто говорил Алескеру, что хотел бы продать свое место на Алайском рынке и податься куда-нибудь в кишлак, где его семье легче прокормиться.

Перед глазами вставали маленькие дети соседа. А ведь его самый старший сын ровесник младшего внука самого Алескера. Нельзя оставлять в беде своего соседа. Аллах может покарать за такое равнодушие. Нельзя предавать своего соседа. Аллах может этого не простить. И когда он принял решение, на душе стало светло и спокойно, словно он действительно освободился от всего пакостного и мерзкого, что есть в каждом человеке и от чего каждый человек мучительно мечтает освободиться всю свою жизнь.

Когда Джаббар, войдя в свою лавку, увидел трупы и закричал, рядом оказался Алескер. Именно он успокоил трясущегося от страха Джаббара. Именно он вызвал милицию и «Скорую помощь». Именно он дал первые показания срочно приехавшему заместителю прокурора района, недоверчиво выслушавшему его сбивчивый рассказ. И именно его забрали в милицию, как главного свидетеля и как лицо, в первую очередь подозреваемое в совершении этих страшных преступлений.

Всю ночь Алескер рассказывал двоим следователям историю о контрабандных грузах, исчезнувшем человеке и двух молодых парнях-убийцах, так некстати появившихся в этой лавке. Его слушали явно недоверчиво, задавали десятки уточняющих вопросов, проверяли показания.

Несчастный старик рассказывал свою историю раз двадцать, пока наконец приехавший из городской прокуратуры прокурор по надзору за следствием в органах милиции не разрешил ему идти домой. Прокурор был молодой, но уже успевший получить несколько назначений и даже перевестись из районной прокуратуры в городскую. В отличие от Алескера, он не верил ни во что, ни в Аллаха, ни в Маркса, ни в Каримова. Он верил только в силу денег и был настоящим циником.

Молодого прокурора звали Хамза в честь великого узбекского поэта, от которого нынешний не сумел перенять ни врожденного благородства, ни высоких духовных помыслов.

Наоборот, нынешний Хамза знал, что только услужливость, понятливость и умение правильно ориентироваться в сложных ситуациях, подобных этой, могли принести пользу.

Допросив старика в очередной раз, он наконец подписал документы и распорядился отпустить Алескера домой. После чего заперся в кабинете, предоставленном в его распоряжение руководителем УВД, и стал думать. Одна фамилия вызывала у него повышенный интерес. Но он не хотел в этом признаваться даже самому себе. С другой стороны, он уже видел себя начальником отдела и заместителем прокурора города, что могло бы случиться при правильном подходе к этому сложному делу. Здесь нужно было продумать очень точную линию поведения, чтобы, с одной стороны, разыскать убийц, а с другой, стать полезным человеком нужным людям. Хамза знал, что за все в его мире нужно платить.

И если Алескер сохранял веру в человеческую порядочность и благородство, то молодой Хамза верил только в личную выгоду и личное благополучие. Поэтому, дождавшись, когда старик уйдет, он поднял трубку телефона, набрал известный ему номер и попросил:

– Соедините меня с товарищем Камаловым, – он перевел дыхание, сказав эту фразу. Впервые он сам звонил такому начальству. Камалов был прокурором города Ташкента, назначенным на эту должность пять месяцев назад.

В аэропорту столицы Узбекистана в этот момент проходил паспортный контроль прилетевший из Москвы Дронго.

Глава 6

Машина, в которой они ехали, неожиданно остановилась, и водитель, чертыхнувшись, вышел из автомобиля доставать другое колесо. Пахомов и Комаров, поняв, что случилось, вылезли следом.

– Техника у вас, товарищ следователь по особо важным делам, прямо скажем, не очень передовая, – издевательски сказал Комаров, показывая на старую «Волгу».

– Еще хорошо, что такую дали. Раньше вообще на попутках добирались. Или на автобусах, – пожал плечами Пахомов, – да и эту скоро обещали заменить. Ничего, подождем, пока он поменяет колесо.

– Ты куришь? – спросил Комаров, доставая сигареты.

– Бросил, – покачал головой Пахомов, – говорят, на сердце сказывается.

– А я вот не могу бросить, – Комаров достал сигарету и, шелкнув зажигалкой, закурил, – в последнее время вообще курю по одной пачке в день. Раньше курил меньше.

– Работа у нас такая нервная, – пожал плечами Павел Алексеевич, – у нас одно время даже ликвидировали следственное управление. Наши умники посчитали, что в контрразведке не должно быть следователей. А ты где был в это время?

– Меня тогда здесь не было, – сказал непонятно почему изменившимся голосом Комаров и отвернулся.

– Тогда тебе еще повезло. А то многих следователей перевели к нам в прокуратуру или, еще хуже, в милицию и посадили на расследование краж, в которых они ни бельмеса не смыслили.

– Повезло, – вдруг выбросил сигарету Комаров, – действительно повезло. Пахомов что-то почувствовал.

– Ты давно работаешь в Москве? – спросил он.

– Полтора года, – ответил Комаров.

– Подожди, – не понял настойчивый Пахомов. – Ты ведь мне сказал, что работал в Прибалтике до девяносто первого года. А сейчас говоришь, что в Москве всего полтора года. А где ты был несколько лет, с девяносто первого по девяносто четвертый?

– Нигде, – Комаров показал на машину, – кажется, он уже поменял колеса.

И только когда они сидели в машине, он вдруг неизвестно почему добавил:

– Я ведь жил в Прибалтике. А там после августа девяносто первого все сотрудники бывшего КГБ стали вдруг врагами народа и предателями. И я остался без работы. А уехать оттуда не мог. У меня ведь жена была эстонка и сын. Только когда мы с ней развелись, меня выпустили из Эстонии. Потом здесь год служил в разных коммерческих фирмах. Хорошо, встретил одного знакомого, с которым раньше вместе работал в Мурманске. Он был заместителем начальника отдела кадров в ФСБ. Он меня и рекомендовал снова на работу. Вот я теперь и работаю следователем ФСБ. Только живу я здесь один, хорошо, в общежитии место дали. А сын мой остался в Таллине. Или, как сейчас говорят, в ТаллинНе, с двумя «н», – горько добавил он в конце.

Пахомов молчал. Он понимал состояние своего университетского товарища. Всю дальнейшую часть дороги они сидели молча. Автомобиль выехал за город и, набирая скорость, помчался в сторону аэропорта Домодедово. У поста ГАИ их уже ждал автомобиль с работниками УВД и Чижовым, позвонившим Пахомову. Серминов, по распоряжению Павла Алексеевича, продолжал с группой экспертов проверку финансовой деятельности многочисленных компаний и банка Караухина.

Относительно молодой Чижов был чрезвычайно доволен. Случилось то, чего никто не ожидал. Была найдена машина, почти в точности похожая на ту, которая сбила Чешихина. По большому счету это действительно была уникальная находка. Брошенная и сожженная

машина, числившаяся к тому же в розыске, лучше всяких других доказательств была подтверждением теории Пахомова о преднамеренном наезде на очень важного свидетеля, убитого после ликвидации хозяина. «Может, и Чешихин был причастен к убийству Караухина, – вдруг подумал Пахомов. – Убрали просто одного из наводчиков. Нет, не похоже. В таких случаях его убрали бы тем же способом, а здесь убийцы всячески хотели замести следы. Но, видимо, очень торопились».

Они шли по роще, продираясь сквозь деревья. Наконец Чижов остановился.

– Здесь, – сказал он, показывая вниз, – ребята нашли. В неглубокой яме был виден остов сожженной машины. Судя по капоту, это были «Жигули» шестой модели.

– Вы осмотрели автомобиль? – строго спросил Пахомов у местного начальника милиции.

– Никак нет, – ответил подполковник. – Ждали вас, Павел Алексеевич. Простите, я не знаю, кто рядом с вами...

– Это подполковник ФСБ Комаров, – представил своего спутника Пахомов. – Так что вы мне хотите сказать?

– Прибыла бригада экспертов-криминалистов. Если разрешите, мы проведем осмотр автомобиля, – предложил растерявшийся милиционер. Он по привычке не очень любил людей из контрразведки.

– Давно нужно было это сделать, – строго выговорил Пахомов. – Для этого не обязательно нужно было ждать нас.

Видя замешательство подполковника милиции, ему на помощь сразу пришел Чижов.

– Это я виноват, Павел Алексеевич, – тут же вступил он в разговор, – просил ничего не трогать до вашего приезда. Извините.

– Мне бесплатные адвокаты не нужны, – уже по привычке пробурчал Пахомов и, обращаясь к стоявшим вокруг него людям, приказал: – Быстрее начинайте осмотр, кажется, скоро может начаться дождь.

Эксперты начали осторожно спускаться в яму. Чижов радостно полез за ними. «Настоящий мальчишка», – подумал Пахомов, знавший, что на счету этого «мальчика» есть несколько громких раскрытых дел. Хотя есть и нераскрытые тоже. И среди них самое главное дело Чижова – убийство грузинского авторитета Михо, которое так до сих пор и не раскрыто. Некоторые говорили даже, что Чижов встречался с лидером другой преступной закавказской группировки и тот согласился заплатить за молчание следователя, но Пахомов не верил в эти грязные сплетни, считая их вымыслом.

Появился запыхавшийся капитан Перцов. Он проводил следственный эксперимент по другому делу и только полчаса назад узнал, что нашли наконец автомобиль, сбивший Чешихина.

– Милиция, как всегда, опаздывает, – добродушно сказал Пахомов. Ему было приятно, что машину нашел Чижов.

– Извините, Павел Алексеевич, – Перцов полез вниз.

– Что-нибудь нашли? – крикнул Пахомов сверху.

– Пока ничего, машина сильно обгорела, – ответил Чижов. Комаров достал сигареты, присел на корточки.

– Может, мне тоже туда спуститься? – предложил он.

– Думаешь, без тебя не обойдутся? – усмехнулся Пахомов, но ничего больше не сказал. Комаров улыбнулся, но не стал спускаться вниз.

Криминалисты возились внизу минут тридцать, потом начали осторожно подниматься, последними выбрались Перцов и Чижов.

– Ничего не нашли? – понял Пахомов.

– Ничего, – развел руками Чижов. Ему было особенно обидно, он так гордился своей находкой.

– Оформите протокол и привезите в прокуратуру, – строго приказал Пахомов. – Я буду ждать.

– Подождите, – сказал вдруг Комаров, – нужно осмотреть местность вокруг ямы.

– Здесь? – не понял Чижов, показывая рукой вокруг.

– Они ведь должны были поджечь машину. Могли остаться какие-то следы, – предположил Комаров.

«Он прав», – с досадой подумал Павел Алексеевич.

– Обязательно нужно поискать вокруг, – сказал он вслух, – может, что-нибудь обнаружите.

– Хорошо, – кивнул Чижов. К своей машине Пахомов и Комаров возвращались вместе.

– Найденная машина уже результат, – сказал Комаров. – Значит, Чешихина сбили преднамеренно.

– Я был в этом убежден, – кивнул Пахомов, – но оба дела мне объединить не разрешили. Да и не только эти дела. Ты слышал о покушении в день похорон?

– На Багирова? Об этом даже передавали по телевидению. Но многие считали, что это типично мафиозные разборки, – вспомнил Комаров.

– Таких совпадений не бывает, – твердо произнес Пахомов, – покушение на него связано с убийством Караухина. Вот только никакой связи я пока доказать не могу. Да и дело о покушении на Багирова ведет Варнаков, наш другой следователь. Мне его не дали. А я убежден, что все эти дела нужно объединить в одно. Варнаков молодой, неопытный. Кроме того, на него легко давить, он еще не освоился с правилами игры. Вот поэтому и разрешил самому главному свидетелю – самому Багирову – уехать на лечение в Англию. Я бы ни за что не разрешил ему выехать из страны. Видимо, Варнакову просто посоветовали разрешить этот выезд, а он согласился, поэтому и разрешил уехать Багирову. Вот сейчас дело стоит, никаких результатов. А там трое погибших людей. И такой известный человек, как адвокат Гольдберг.

– У нас тоже проводят свое расследование, – тихо сообщил Комаров, – видимо, все громкие дела взяты под контроль и службой ФСБ.

– Не доверяют прокуратуре, – Пахомов, уже подошедший к своему автомобилю, повернулся в сторону леса, – думаешь, сумеют найти какие-нибудь следы?

– Вряд ли, но поискать нужно.

В Москву они возвращались под мягкий аккомпанемент начинающегося дождя. Пахомов задумчиво смотрел на небо.

– Не могу понять только одного. Почему коллеги Караухина установили такое необычное вознаграждение – миллион долларов. Вот никак понять не могу. Если бы хотели просто отомстить, для этого хватило бы и половины этой суммы. Через киллеров такие дела решаются куда быстрее, чем через правоохранительные органы. Да и потом сумма вознаграждения всегда хранится в секрете. А здесь вдруг объявили об этом на всю страну. Что-то здесь не сходится. Слишком большая сумма. В смерти Караухина есть какая-то тайна, которую я пока не могу понять.

– Интересное наблюдение, – оживился Комаров, – я об этом как-то не думал. А ты не пытался говорить с кем-нибудь из коллег убитого банкира?

– Пытался. Уже с двоими говорил. Пока ничего. Сегодня вызываю к себе Никитина. Того самого. Он заменил погибшего Лазарева в его «Гамма-банке». Перед самой смертью Караухин выделил этому банку очень большую сумму на исключительно льготных условиях. Вот я и решил побеспокоить господина Никитина.

– Ты еще не разговаривал с ним?

– Уже один раз встречался. Он почти ничего не сказал, не мог объяснить, почему ему был выдан такой крупный кредит на льготных условиях. Очень неприятный тип, кстати, у него две судимости.

– Ты знаешь, что этот тип пользуется особой любовью президентского аппарата и правительства?

– Конечно, знаю. Мне даже известно, что его не очень любят в московской мэрии.

– Нашел какие-нибудь новые документы?

– Да. По моей просьбе проводили осмотр вещей Чешихина. Мы обнаружили копию письма Караухина в правительство. Там он просит передать одной трасовой компании исключительные права на финансирование поставок сырой нефти. И что интересно. Эта компания, в свою очередь, финансируется «Гамма-банком». Получается, что Караухин одной рукой передал деньги Никитину, чтобы тот, в свою очередь, профинансировал эту дочернюю компанию. А ее соучредители – банки Караухина и Никитина.

– То есть он передал деньги как бы сам себе?

– Вот именно. Но это пока только на уровне разговоров. Мы не имеем подлинника самого письма. А без него все наши доказательства просто голые рассуждения, не подкрепленные фактами. Нам нужно будет обязательно найти подлинник этого письма. И узнать, кто именно поставил на нем резолюцию.

– На который час ты вызвал Никитина?

– На четыре часа дня. Успеем, не волнуйся. Заодно пообедаем в нашей столовой. Как у вас в контрразведке, наверно, питаетесь неплохо?

– Раньше было лучше.

– Раньше все было лучше.

– Ты думаешь, он придет один?

– Конечно, нет. Наверняка привезет своего адвоката. И еще потом напишет на меня жалобу, что я необоснованно пытался выудить из него информацию. Все как обычно.

Автомобиль привез их обратно к зданию прокуратуры в половине третьего. Быстро пообедав, они снова поднялись в кабинет Пахомова, и Павел Алексеевич начал знакомить своего старого университетского товарища с материалами дела. Ровно в четыре часа снизу позвонил дежурный.

– К вам посетитель, Павел Алексеевич, – сообщил он.

– Один? – спросил Пахомов, подмигнув Комарову.

– Нет, со своим адвокатом. Как ваша фамилия? – спросил дежурный у адвоката и, услышав фамилию, повторил ее в трубку: – Абрам Израильевич Лифшиц.

– Пусть пройдут, – вздохнул Пахомов и, уже положив трубку, сказал: – Все, как мы и предполагали. Он привел Лифшица.

Комаров взял стул и сел у окна.

Через пять минут в кабинет постучали. Первым вошел высокий, немного сутулившийся, с вечно мрачным выражением лица Михаил Никитин. У него было неприятное, немного рябое лицо. Следом за ним в комнату вкатился полненький коротышка, оказавшийся адвокатом Лифшицем. В отличие от Никитина, не пожелавшего пожимать руки следователям, а только кивнувшего им в знак приветствия, адвокат, напротив, долго и горячо пожимал руки, особенно заглядывая в глаза Комарову. Он его не знал, и чувствовалось, что это обстоятельство его несколько беспокоит.

– Вы нас вызывали, – начал адвокат, – и мы посчитали своим долгом явиться на ваш вызов.

– Благодарю вас, – кивнул Пахомов, – позвольте представить моего коллегу Валентина Савельевича Комарова. Он будет присутствовать при нашем разговоре.

Никитин промолчал. Лифшиц радостно закивал, словно всегда мечтал познакомиться именно с Комаровым.

– Вы не возражаете? – спросил Пахомов, включая магнитофон.

– Конечно, нет, – улыбнулся Лифшиц.

– Михаил Никифорович, – начал официальный допрос Пахомов, – нам хотелось бы знать о характере ваших отношений с покойным Караухиным.

– Отношения были чисто деловыми, – прохрипел Никитин.

– Вы давно были с ним знакомы?

– Нет, несколько лет.

– Вы познакомились с ним, уже работая в своем банке?

– Да, нас познакомил Лазарев.

При упоминании этого имени Лифшиц несколько встрепенулся, но ничего не сказал.

– У вас были общие программы с банком Караухина? Или вы предпочитали работать самостоятельно?

– Никаких программ у нас не было.

– Вас связывали хорошие личные отношения с покойным?

– Нет, чисто деловые.

– Вы знали его семью?

– Нет.

– Вы знали кого-нибудь из служащих его банка?

– Нет.

– А его помощника Аркадия Чешихина?

– Впервые слышу это имя.

Пока все шло нормально, и Лифшиц даже позволил себе улыбнуться Комарову. Он чувствовал, что перед ним не просто помощник следователя, но старался не выдавать своих подозрений. И тут Пахомов задал свой главный вопрос:

– В прошлый раз вы сказали, что не знаете, почему именно вашему банку был выдан крупный льготный кредит. Но наша проверка показала, что почти сразу все деньги были переданы в трастовую компанию «Делос», на финансирование поставок сырой нефти. Что вы на это скажете? Или это было предусмотрено условиями предоставления вам столь льготного кредита?

Никитин явно испугался. Сразу стало видно, что вся его надменная поза, весь его гордый вид лишь внешняя оболочка защиты. Однажды попавший в руки административных органов подследственный сохраняет на всю жизнь в душе страх перед этой страшной машиной. Бывший зек Никитин явно боялся, несмотря на все свои миллионы, несмотря на лучших адвокатов, несмотря на своих охранников и своих покровителей. Он очень боялся вновь попасть на тюремные нары, вновь попробовать лагерной баланды. Никитин растерянно оглянулся на Лифшица, словно прося его поддержки. И адвокат сразу ринулся в бой.

– Трастовая компания «Делос» была зарегистрирована согласно существующим нормам российского законодательства. «Гамма-банк» был одним из учредителей этой компании, но и только. У вас нет никаких оснований обвинять моего клиента в преднамеренном сговоре с убитым банкиром. По уставу банка, руководство имеет право распоряжаться получаемыми средствами по своему усмотрению, с целью получения еще больших доходов для своих акционеров, – на одном дыхании выпалил Лифшиц.

– Не спорю, – кивнул Пахомов, – но я спрашиваю, а не утверждаю. Меня удивляет ваша столь неоднозначная реакция, Абрам Израильевич. Я пока ничего не утверждаю.

Лифшиц, поняв, что несколько поторопился, прикусил губу. Никитин, не разобравшийся в их разговоре, подавленно молчал.

– Вы будете отвечать на мой вопрос? – спросил Пахомов.

– Я не понимаю, о чем вы спрашиваете, – угрюмо выдавил Никитин.

– О льготном кредите вашему банку, – терпеливо напомнил следователь.

– Они получили его в соответствии с существующим финансовым законодательством, – сразу пришел на помощь своему клиенту Лифшиц.

– Вы дадите возможность ответить самому Михаилу Никифоровичу? – попросил Пахомов.

– Да, конечно, – обернулся к Никитину его адвокат.

– Мы получили его по закону, – выдал Никитин.

– Это я понимаю, – кивнул Пахомов, – но почему почти сразу вся сумма была передана в «Делос»?

– Такое решение приняло правление банка, – ответил несколько осмелевший Никитин.

– А вы лично считаете это решение правильным? – вдруг вмешался в разговор Комаров.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – снова несколько смутился Никитин, – решение принимало правление.

– Вы ведь были заместителем покойного Лазарева, – Пахомов уже не обращал внимания даже на круглые от бешенства глаза Лифшица.

– Был, а при чем тут Лазарев?

– Вам не кажется странным, что оба банка были соучредителями компании «Делос»? И оба руководителя этих банков теперь покойники. Вы не усматриваете никакой опасности?

– Это угроза? – сразу спросил Лифшиц. – Вы угрожаете господину Никитину?

– Я просто напоминаю об этом.

Никитин молчал. Дорогой английский костюм сидел на нем как-то мешковато, хотя подбирался английским дизайнером в области мужской моды. Но есть люди, на которых только одна одежда смотрится органично – арестантская роба. Конечно, есть и обратные примеры, когда элегантный костюм сидит словно человек в нем родился. Но Никитин явно не принадлежал ко второй категории лиц. В этом человеке было нечто лагерное, словно вечное тавро, заклеившее его судьбу.

– Компанию «Делос» возглавляет некто Анисов. Сколько мы его ни искали, так и не смогли найти, – продолжал Пахомов, – может, вы нам поможете отыскать этого господина?

– Я его не знаю, – пожал плечами Никитин, не обратив внимания на предостерегающие жесты Лифшица.

– В таком случае, как вы доверили ему такую крупную сумму денег? – быстро спросил Пахомов. – Или вы всегда отдаете незнакомым людям такие кредиты?

– Я не обязан знать всех клиентов банка, – огрызнулся Никитин, – я президент банка, а не бухгалтер. И вы мне дело не шейте.

Английский костюм не помог. Нутро уголовника дало о себе знать.

– Конечно, – Пахомов достал официальный бланк из ящика стола, – вынужден огорчить вас, Михаил Никифорович. Пока следствие по делу о смерти банкира Караухина не закончится, прошу вас не покидать пределов Москвы.

– Вы в чем-то обвиняете господина Никитина? – спросил Лифшиц.

– Конечно, нет. Просто он очень важный свидетель, и он может понадобиться нам, когда мы наконец найдем господина Анисова. Вы видите, я даже не беру официальную подписку о невыезде. Просто я прошу господина Никитина не покидать пределов города. И, если можно, распишитесь, пожалуйста, здесь.

Никитин взглянул на адвоката. Тот протянул руку и, надев очки, внимательно прочитал протокол. Кивнул. И Никитин, достав из внутреннего кармана ручку, размашисто расписался. После чего вышел, даже не попрощавшись. Лифшиц вежливо улыбнулся, как бы извиняясь за своего клиента, попрощался с обоими следователями и вышел следом.

– Сукин сын, – зло сказал Комаров, – этот «новый русский». Давил бы таких мерзавцев.

– Это еще не самый неприятный, бывают и хуже, – вздохнул Пахомов, – его предшественник Лазарев вообще был законченным негодяем.

– Это которого убили в здании Государственной думы?

– Он самый. Нехорошо говорить о покойниках, но такой мерзавец, что печати негде было ставить. По нашим сведениям, он тогда начал войну с закавказскими группировками. Может, помнишь, в Москве все время стреляли. Правда, и Лазарев довольно сильно пощипал кавказцев, особенно грузин. Но в конце его пристрелили, и на этом война закончилась. Теперь придется идти к заместителю прокурора республики, просить у него разрешение на запрос в канцелярию премьера. Нужно узнать, было ли такое письмо в действительности и куда оно подевалось. Хорошо, что у нас есть копия, но это пока не доказательство. Может, они написали, а не отправили. Нужно обязательно найти это письмо.

– Тебе не позавидуешь, – вздохнул Комаров, – влез в такое дерьмо.

– Теперь мы уже вместе в этом дерьме, – напомнил Пахомов. Он подошел к окну: – Иди сюда, посмотри на это «факельное шествие».

У здания прокуратуры Никитина ждали несколько машин и человек шесть охранников, торжественно выстроившихся вдоль тротуара. Увидев своих людей, Никитин привычно мрачно кивнул им, обретая уверенность в себе, и сел в роскошный «БМВ» последней модели. Захлопали дверцы автомобилей, охрана садилась по своим местам. Комаров брезгливо поморщился.

– Они теперь хозяева жизни, – горько сказал Пахомов.

Сидя в автомобиле, Никитин гневно выговаривал Лифшицу:

– Я же говорил, что нам не стоит туда второй раз ехать. Знаю я эти прокурорские штучки. Сначала попросят никуда не выезжать, потом дадут подписку о невыезде, потом арестуют.

– У них ничего нет против вас, – успокаивал его Лифшиц.

– К черту, – отмахнулся Никитин и, достав свой телефон, набрал номер: – Это я говорю. Слушай, Семен, разыщи мне срочно этого суку Анисова. Где хочешь найди. У любовницы ищи, он у нее обычно ночует. Пусть завтра у меня будет. И без глупостей. Чтобы никуда не сбежал. Иначе из-под земли найду. Ты меня понял?

Лифшиц тяжело вздохнул. Он запомнил все в точности. Нужно будет рассказать об этом сегодня вечером Филе Рубинчику. В конце концов, у каждого свои собственные обязательства. И каждый имеет право на свою мафию. Просто так устроена эта жизнь.

Глава 7

В Ташкенте все было как обычно. Прекрасная погода, улыбающиеся люди, как всегда, довольно уютный и оттого такой знакомый аэропорт. Правда, в отличие от прошлых лет почти не было лозунгов и приветствий на русском языке, обещавших выполнить пятилетку за более короткий срок. Исчезли и торжественно-монументальные портреты членов Политбюро, среди которых всегда особенно красиво смотрелась фотография Шарафа Рашидова, признанного поэта и благодетеля родного края.

Во времена правления «выдающегося борца за мир и генералиссимуса», получившего даже орден «Победа» спустя несколько десятилетий после войны (в таких случаях обычно писали – «награда нашла своего героя через много лет»), в городе все было спокойно и чинно, как и полагается в хорошем восточном государстве. Традиционно почитались старики, уважались женщины, строго соблюдалась существующая иерархическая лестница чиновников. Собственно, ничего не изменилось даже после революции. Это наивные люди в Москве полагали, что если сбросить с женщин паранджу и научить всех затягивать галстуки на шее, можно будет строить социализм. На самом деле государства Средней Азии действительно начали развиваться. Но при строгом соблюдении уже существующих традиций и норм.

Сидевший во главе республики первый секретарь считался настоящим восточным эмиром или падишахом. Соответственно и власть и богатство у него были эмирские. И милости, которыми он одаривал своих подчиненных, тоже были шахскими. Одному мог дать дом, другому квартиру, третьему целую область. Коммунистическая фразеология была всего лишь прикрытием для этих людей. В каждой области соответственно сидел свой сатрап, боявшийся лишь эмира. В свою очередь, в каждом районе сидел свой бек – первый секретарь райкома партии, который и имел соответствующую власть бека или хана. Ни больше и ни меньше. При неременном условии соблюдения правил игры.

Каждый дехканин знал, что в районе есть только один хан – и это первый секретарь райкома партии. Жизнь всех остальных людей зависит от его взгляда или настроения. В области соответственно все знали, что самый главный – первый секретарь области, способный казнить и миловать по своему усмотрению. И наконец, в республике все знали, что падишахом является первый секретарь ЦК Компартии. Правда, у каждого падишаха, как и полагается в доброй восточной сказке, был свой злой визирь – второй секретарь ЦК, присланный из Москвы и наблюдавший за местными аборигенами. Но визиря быстро покупали дорогими подарками и обильными угощениями. И власть падишаха оставалась неизменно величественной и грозной.

Был еще великий султан, который сидел в Москве. И все знали, что султан еще более грозный и сильный, чем сам падишах. Но до этого султана было далеко, и он почти никогда не вмешивался в дела местных правителей, требуя лишь лести в свой адрес, полного подчинения своих вассалов и денег на содержание своей армии. Все это исправно посылалось в Москву, и в сердцах людей была благодарность и умиление за заботу султана об их процветании. Султан понимал, что нельзя ломать существующую систему, и милостиво позволял падишаху и его ханам править по своим законам.

Наивные люди, которые иногда попадались в среде интеллигенции, считали, что строят в республиках Средней Азии социализм. На самом деле, шагнув из феодализма в социализм, там строили свой, уникальный феодальный социализм со всеми атрибутами восточного правления. С учетом менталитета народа и его стоического отношения к богатым и грозным правителям.

В восемьдесят втором в далекой северной столице к власти пришел новый султан. Это был нервный и жестокий правитель. Он начал проверять, как живут его подданные в далеких жарких странах, и прислал для этого целую бригаду следователей, решивших, что они могут изменить менталитет целого народа. Следователи начали ломать устоявшуюся систему. Люди

с ужасом следили за их действиями. Тысячелетиями здесь знали, что без подарка судье или правителю никак нельзя. А приехавшие чужие люди стали сажать за это благородное дело в тюрьму. Они даже объявили, что в республике (хорошо, что они не проверили другие республики) все поголовно дают и берут такие подарки. При проверках выяснилось, что действительно дают и берут все. Все без исключения. Да и как можно было отказать уважаемому человеку, пришедшему с подарком для твоих детей или близких. Не важно, что вместо подарка проситель приносит пачку денег. Это все равно «бакшиш» – подарок, и не взять его – значит обидеть уважаемого человека, нарушить традиции, а это делать никак нельзя. Но чужие пришельцы начали ломать устоявшиеся тысячелетиями порядки, навязывая свои новые. Пришельцы были жестокие и глупые, поэтому стали хватать всех подряд, не понимая, что таким образом вообще ничего не добьются.

В конце концов так и получилось. Пришельцев отозвали, а все уважаемые люди, обвиненные непонятно в каких грехах, остались по-прежнему уважаемыми людьми и вернулись к своим обязанностям.

В конце восьмидесятых в Москве начались волнения. В Средней Азии искренне не понимали, чего недостает этим смутянам. Живут, как все, соблюдают законы, есть хлеб, нет войны, что еще нужно? Когда в августе было объявлено о создании ГКЧП, во многих республиках Средней Азии (и в Закавказье) к этому отнеслись с полным пониманием и даже одобрением. В некоторых городах люди поздравляли друг друга с наведением должного порядка. Но смутяны опять все спутали. Они прогнали уважаемых людей и вообще закрыли Коммунистическую партию. Наивные люди, они не понимали, что в Средней Азии почти нет коммунистов. Это просто чиновники, называемые таким образом, чтобы их как-то выделять из общей безликой массы трудящихся.

А однажды жители этих стран с ужасом узнали, что в Беловежской Пуще их страну просто упразднили. И они могут теперь существовать как хотят, отдельно, по своим собственным законам и порядкам. Грубо говоря, у них просто отняли их общий дом, вытолкнув в шею на улицу. Теперь нужно было жить самостоятельно.

Первыми поняли колоссальную выгоду нового положения сами падишахи. Теперь над ними не было грозного султана, больше не будет никаких проверок, никаких отчетов. Теперь они настоящие падишахи, по всем законам восточного мира. И вот уже проводятся фарсовые выборы, и падишахов объявляют не первыми секретарями, как их называли раньше, а президентами. И если раньше, раз в пять лет, проводились показательные «курултаи» – съезды, на которых все всегда знали, кого изберут, и избирали единогласно, то теперь отпала необходимость и в этом. И вообще не нужны больше никакие выборы. Президенты один за другим проводят «общенародные референдумы» и под ликующие крики своих сатрапов и ханов объявляют себя пожизненными президентами. Все довольны, особенно сами падишахи.

Многие из них начинают «откровенно сознаваться», что всегда верили в Аллаха или Христа. Что никогда не верили в порочную коммунистическую систему. Сами жрецы и проповедники, наставники и пастыри, они становятся вдруг ярыми противниками того, о чем еще вчера говорили с трибун. Под радостный визг президентских придворных принимаются новые законы и навсегда запрещаются партии коммунистов – партии антихриста.

И тысячи, миллионы людей, еще вчера видевшие своих Падишахов в роли Жрецов коммунизма, ныне видят этих же людей в роли Жрецов демократии. Воистину нет пределов человеческому бесстыдству. Все президенты-падишахи объясняют это внезапным прозрением. Какое поразительное историческое совпадение! Лидеры сразу полутора десятков стран вдруг «прозревают». В один момент. Все сразу. Оказывается, до этого они ничего не знали и не понимали. А теперь все знают и понимают. Все вместе, все разом. Словно небесная благодать осенила всех сразу – скопом. И тогда начинаешь думать – что есть совесть человеческая?

Дронго думал об этом, когда аэропортовский автобус вез его по направлению к городу. Он знал эту сторону жизни. Знал и презирал людей, отказавшихся от своих идеалов, легко предавших и перечеркнувших всю свою жизнь, зачастую предававших своих отцов и дедов во имя получения сиюминутной выгоды, не понимая, что сами будут преданы своими собственными детьми, усвоившими, что главный итог жизни может быть уроком предательства. Измены собственной судьбы.

Но он хорошо знал и другое. В некоторых странах не оказалось сильного падишаха, или его не было в нужный момент, в нужном месте. И тогда наступал хаос гражданской войны. В Таджикистане погибло сто тысяч человек, пока наконец новый падишах не навел порядок. В Грузии страна раскололась на ряд враждебных лагерей, и великая нация героев и князей, любовников и хвастунов оказалась вдруг вынужденной убивать друг друга, пока наконец не прилетел старый новый царь Грузии и не начал наводить порядок на многострадальной земле своей. И снова, и снова задавал себе вопрос Дронго: что лучше? Сильный падишах, при котором демократия задирает свою юбку и отдается первому встречному, разумеется насилующему ее с согласия главного сутенера – самого падишаха, или хаос неустроенного общества, трагедия гражданской войны, боль и кровь сотен тысяч людей? И он не знал ответа на этот вопрос. Ибо любой из ответов был порочен по своей сути, а третьего варианта просто не существовало.

В Ташкенте он быстро нашел указанный адрес, который ему передал Родионов. В этом доме жил Юсуф Юсубов, бывший полковник КГБ, работавший в Первом отделе узбекского Комитета и в свое время тесно сотрудничавший с Родионовым во время афганской войны. Последние три года Юсубов был на пенсии. И именно к нему послал Родионов, считая его самым надежным для помощи Дронго.

Подойдя к калитке старого дома, Дронго осторожно постучал. Почти сразу залаяла собака, послышались детские голоса. Дверь открыла миловидная девушка лет пятнадцати.

– Вы к кому? – спросила она по-узбекски. Дронго, знавший турецкий язык, понял ее.

– Мне нужен Юсуф Юсубов, – по-русски сказал он.

– Ах дедушка, – на чистом русском языке произнесла девушка, – проходите, я его сейчас позову.

Дронго вошел во двор. Огляделся. У дерева, где прямо на земле лежало несколько ковров, играли двое маленьких детей. Большая черномордая овчарка настороженно следила за перемещением незнакомца, пока не подавала признаков враждебности. Недалеко от дверей был расстелен еще один ковер. На нем стояли несколько небольших пиал и чайник. Очевидно, это было место хозяина дома. В традиционном узбекском халате показался высокий мужчина лет шестидесяти. Рукопожатие было крепким. Только седые усы выдавали возраст Юсуфа-ака. Глаза были молодые и очень внимательные.

– Я приехал от Родионова, – просто сказал Дронго.

– Это я понял, только посмотрев на тебя. Тебе сколько лет? – спросил хозяин дома.

– Тридцать семь.

– Значит, я старше почти вдвое. Мне скоро шестьдесят пять будет. Поэтому я могу тебя на «ты» называть. Когда ты приехал?

– Два часа назад.

– Чего же ты стоишь? Садись, – показал на большой ковер Юсуф-ака. – Жена, у нас гость в доме, – крикнул он, повернув голову.

Из дома уже выходила жена с подносом теплых лепешек. Следом две девушки, среди которых была и знакомая Дронго, открывшая дверь, несли новый чайник и пиалы с сахаром.

– Устраивайся поудобнее, – показал на лежавшие вокруг маленькие подушечки-тюфяки хозяин дома, – сейчас нам кушать принесут. Я еще тоже не обедал. Словно тебя ждал.

Дальше все было, как обычно бывает в гостеприимных восточных домах. Гостя кормили до одурения, предлагая попробовать различные блюда, появившиеся, словно по волшебству.

И лишь когда обед закончился и снова принесли чай, они приступили наконец к деловой беседе. Дронго рассказал о цели своего визита. Ему важно было встретиться с Будаговым и уточнить, почему Чехихин прилетал так срочно в Узбекистан. Конечно, если Будагов захочет разговаривать с ним.

Юсуф-ака в свою очередь рассказал о новом прокуроре города – грозном Камалове, который начал безжалостно наводить порядок, искореняя наркомафию, особенно сильную в этом городе. Вчера на Алайском рынке был убит начальник одного из районных отделов внутренних дел, известный хапуга и вымогатель – Рахимов. Камалов приказал провести в городе облаву, чтобы найти преступников во что бы то ни стало. Правда, злые языки уже говорили, что смерть Рахимова на руку Камалову, ибо Рахимов был человеком министра внутренних дел, а тот, в свою очередь, недолюбливал Камалова. Министр и Рахимов были земляками из Бухары и не любили столичных щеголей, к которым, безусловно, мог быть отнесен очень представительный и импозантный прокурор города.

Выйти на Будагова было не очень просто. Он был достаточно известным и уважаемым человеком в городе. Человек, сумевший протолкнуть на должность прокурора столицы своего юрисконсульта, был, по местным масштабам, фигурой очень значимой. Юсубов понимал, что так просто идти к Будагову нельзя. И он начал обзванивать своих знакомых. У любого живущего в городе за полвека набирается несколько тысяч знакомых, среди которых может оказаться и нужный человек. К вечеру выяснилось, что супруга Будагова – родственница бывшего подполковника КГБ, ранее работавшего с Юсубовым. По просьбе Юсуф-ака он взялся организовать на следующий день встречу приехавшего гостя с Исой Будаговым.

Ночевал Дронго в доме Юсубова. Несмотря на все его просьбы, его так и не отпустили в гостиницу. Утром следующего дня он уже сидел в монументальном офисе банка Будагова, ожидая, когда тот его примет. Строго говоря, это был не филиал банка Караухина, а самостоятельный крупный банк со своими филиалами и счетами. Но для успешного ведения дел, уклонения от налогов и других маленьких хитростей Будагову выгодно было зарегистрировать свой банк как филиал банка Караухина. Местные власти не смогли бы при желании конфисковать имущество банка, так как оно принадлежало чужому государству. Будагов учитывал любые обстоятельства, которые могли случиться в беспокойное время суверенного существования Узбекистана.

Иса Будагов принял гостя, сидя в огромном кожаном кресле за роскошным столом, привезенным сюда из Италии, в светлом костюме, с неизменно благожелательной улыбкой на лице. Кабинет был огромный – метров двести. Дронго пришлось сделать шагов пятьдесят, прежде чем он оказался перед главой банка. Тот энергично пожал ему руку и пригласил садиться. Очень красивая и миловидная девушка-секретарь внесла столик с отлично заваренным кофе. Бизнесмены Востока наивно считали чай пережитком прошлого, предпочитая пить кофе, который они не любили, но демонстрировали при этом свою приверженность западным стандартам жизни. После взаимного обмена любезностями Будагов поинтересовался, откуда приехал гость и какое у него важное дело к главе банка.

– Я приехал по поручению Аркадия, – сказал Дронго.

– Какого Аркадия? – не сразу понял Будагов. Или сделал вид, что не понял.

– Чехихина. Он был у вас несколько недель назад.

– А-а-а, – равнодушно произнес Будагов, – действительно был. Так я слушаю вас.

– Вы знаете, что случилось у нас в Москве?

– Конечно, знаю. Убили моего друга и приятеля, главу нашего центрального офиса Сергея Караухина. Я, к сожалению, не смог поехать на похороны, у меня почки не совсем нормально работают. Но от нас полетела большая делегация. Мир его праху, хороший был человек.

Странно, что он сам не полетел на похороны, подумал Дронго. Если он был такой больной, то как, бросив все свои дела, встречался с Чехихиным прямо во время похорон. Инте-

ресно, какие у них могли быть важные дела, что оба самых близких к Караухину человека даже не смогли присутствовать на его похоронах.

– Вы знаете, что случилось потом? – спросил Дронго.

– Конечно, знаю. Дела у нас сейчас идут неважно, в Москве проверяют центральный офис банка, непонятно кого ищут. А убийц Караухина до сих пор не нашли. Как, вы сказали, вас зовут?

Дронго назвал фамилию, на которую у него были документы, выданные Родионовым. Паспорт, правда, был заграничный, но фотография была его, и годен он был еще на два года.

– Странно, что Аркадий мне не позвонил насчет вас, – заметил Будагов.

Ничего не знает или делает вид, что ничего не знает, насторожился Дронго.

– Он не мог вам позвонить, – терпеливо произнес Дронго, – его убили.

Банкир воспринял эту весть более спокойно, чем это можно было ожидать. Он только покачал головой.

– Хороших людей убивают. Какое время сейчас ужасное. Никому нельзя доверять.

Последняя фраза относилась явно к самому Дронго.

– Да, возможно, – согласился гость, – поэтому я прилетел лично, а не послал вместо себя кого-нибудь. Аркадий говорил мне, что вы самый надежный человек. И в случае его смерти советовал обратиться к вам.

– Конечно, конечно, дорогой. Пейте кофе, – непривычно засуетился вдруг банкир, – я сейчас вернусь. Извините меня.

Он поднялся со своего кресла и прошел в заднюю дверь, плотно затворив ее за собой. Во второй, внутренней, комнате его ждал светловолосый блондин лет сорока. Увидев вошедшего банкира, он кивнул головой.

– Это Дронго, – сказал блондин, – тот самый. Он не должен уйти отсюда живым.

Глава 8

Если санкцию на проведение проверки банка Караухина Пахомову удалось добиться с трудом, то запрос в канцелярию самого премьера заместитель прокурора отказывался подписать наотрез.

– Вы с ума сошли, – шипел он, – никогда не нужно зарываться, Павел Алексеевич. Это просто неприлично. Что я скажу, если вдруг сюда позвонит премьер-министр и спросит, на каких основаниях прокуратура просит у него отчета по входящим бумагам в его канцелярию? Вы представляете, какой будет скандал?

– Мы же не проводим проверку канцелярии премьера. Мы просто просим сообщить, была ли послана такая бумага и если была, то кому именно она была направлена. И все, – скромно сказал Пахомов.

– Не надо изображать из себя ничего не понимающего дилетанта, – взвизгнул заместитель прокурора, – вам это не идет. Я не подпишу такую бумагу ни за что на свете. Ищите сами. Не обязательно привлекать к своей собственной персоне такое повышенное внимание.

– Разрешите тогда обратиться к прокурору республики, – мрачно попросил Пахомов, – у меня просто нет другого выхода.

– Догадываетесь, куда он вас пошлет? – спросил заместитель прокурора. – И, кстати, правильно сделает. Или вы подозреваете самого премьера в убийстве Караухина?

– Нет, конечно, – улыбнулся Пахомов, представив полного премьера в роли вооруженного боевика, – но это письмо может очень помочь нам в установлении важных фактов.

– Нет, – решительно отрезал заместитель прокурора, – вы меня не убедили. Если хотите, можете обращаться к прокурору, но только обязательно сообщите ему, что я вам отказал. Хотя нет, подождите, я сам ему позвоню.

Он осторожно снял трубку прямого телефона с и. о.

– Простите меня, Илья Константинович, – бархатным голосом сказал заместитель прокурора республики, сразу изменив тон, – ко мне тут Пахомов пришел. Да, наш следователь по особо важным делам. Да-да, вы правы. Недавно назначенный. Сейчас он явился ко мне и просит дать санкцию на письмо в канцелярию премьер-министра. Ему нужно узнать про одно письмо. Да, правильно, в канцелярию премьера.

Пахомов смотрел на меняющееся лицо заместителя прокурора республики.

– Нет, я не шучу, Илья Константинович, – упавшим голосом сказал заместитель прокурора, – да, конечно, я понимаю. Да, я все понимаю. Нет, конечно, не подписал. Да, это наша проблема. Все понял. Все понял. Я так и думал. Спасибо. До свидания. – Он положил трубку и гневно посмотрел на Пахомова.

– Все поняли? – коротко спросил он. – Никакого письма не будет. Он говорит – следователи дурака валяют от безделья, поэтому и приходят с подобными предложениями. Никакого письма не будет. Можете быть свободны.

Поняв, что спорить бесполезно, Павел Алексеевич тяжело поднялся и пошел к выходу. И в этот момент снова позвонил телефон.

– Слушаю вас, – быстро поднял трубку хозяин кабинета. Звонил прямой телефон и. о. – Да, конечно. Задержитесь, – крикнул заместитель прокурора уже выходявшему в коридор Пахомову, – да, это тот самый следователь, который ведет дело об убийстве Караухина. Конечно, понимаю. Понимаю. Да, большая общественная значимость. Спасибо, большое спасибо, вы всегда нам помогаете. Хорошо, я скажу, чтобы он подготовил письмо. Да свидания.

Пахомов стоял, ничего не понимая.

– Готовьте письмо, – не смотря ему в глаза, сказал заместитель прокурора республики, – Илья Константинович его подпишет.

Уже сидя у себя в кабинете, Пахомов пытался понять, что произошло. Почему и. о. так внезапно изменил свое мнение, когда узнал, что дело касается убийства Караухина? Почему он так быстро изменил свое решение? Миллион долларов, вспомнил Пахомов. Конечно, миллион долларов. Ему нужно, чтобы остались вещественные доказательства его участия в расследовании этого преступления. Такая сумма должна остаться в прокуратуре. Вот он и согласился подписать это письмо. Миллион долларов. Кажется, эта сумма просто затуманила всем мозги.

Он в раздраженном состоянии сел за составление письма. Валентина Комарова еще не было, он обещал сегодня зайти несколько позже. Пахомов посмотрел на часы. Ребята должны были приехать к нему через полчаса. За это время он успел составить письмо и отнести его в приемную прокурора республики. Ребята появились точно в срок. На Жене Чижове, как обычно, была кожаная куртка, Антон был одет строго в темный костюм. Почти сразу появился Комаров. Кивнув уже знакомому Чижову, он поздоровался с Серминовым, назвав себя по имени и отчеству. Последними появились майор Соболев и капитан Перцов, прикомандированные к группе Пахомова. Соболев был из МУРа и считался довольно неплохим специалистом. Он работал в отделе по расследованию убийств уже более десяти лет. Перцов занимался делом Чешихина и по предложению Пахомова также был включен в их группу. Внешне они представляли полную противоположность друг другу. Соболев был неторопливый, спокойный, углубленный в себя человек. Он был родом из Ставрополя и был потомственным казаком. Перцов, напротив, был типичным городским жителем, быстрым, энергичным, вечно опаздывающим. Невысокого роста, он был чем-то похож на Женю Чижова, только в отличие от него имел рыжеватые усы и даже веселые веснушки на лице.

После прихода работников милиции все расселись за столом.

– Итоги нашей работы пока не очень успешные, – начал Пахомов, – мало того, что мы ничего не смогли узнать, мы еще и потеряли двух очень важных свидетелей. Первого, как мы и предполагали, преднамеренно убрали. Теперь уже нет сомнений, что Чешихина убрали специально. Второй важный свидетель – глава компании «Делос» господин Анисов также исчез, и мы пока не можем его найти. Как видите, мы провалились по всем статьям. Теперь мне хотелось бы послушать вас. Давайте начнем с вас, майор Соболев.

Майор был в штатском. На нем был темный костюм и светлая водолазка. Поднявшись, он откашлялся и коротко сообщил:

– Судя по всему, Анисов не покидал Москвы. Сейчас он прячется у своей любовницы. Мы пытаемся узнать ее адрес и выйти на него. Он не столько прячется от нас, сколько от своих кредиторов. Задолжал большие суммы. Думаю, скоро мы его найдем.

– Как скоро? – спросил Пахомов.

– День-два, не больше.

– Хорошо. Капитан Перцов, что у вас? Можете не вставать.

– Эксперты подтвердили, что найденный нами автомобиль тот самый, которым был сбит Аркадий Чешихин. Отпечатков пальцев не найдено. Там все сгорело. Но рядом с машиной мы нашли интересный нож. Он самодельный, но очень красивый. Простите, товарищ Пахомов, я его не принес, решил сразу отдать на экспертизу. Там были отпечатки пальцев. Мне показалось это важным для расследования дела. Возможно, его уронил один из преступников, находящихся в автомобиле. Сейчас мы отработываем эту версию.

– Еще раз опросите соседей, знакомых Чешихина, – предложил Пахомов, – не может быть, чтобы никто не видел сидевших за рулем людей. За ним наверняка наблюдали. Поезжайте в банк, где он работал, и опросите охранников. Те обычно обращают внимание на чужие машины, останавливающиеся рядом с банком.

– Ясно, – Перцов что-то записал.

– Что у вас? – спросил Пахомов Серминова. Даже к своим работникам гораздо моложе себя он подчеркнуто обращался на «вы».

– Экспертиза, проведенная в банке, подтвердила наличие некоторых крупных кредитов, выдаваемых лично Караухиным. Но никакого особого криминала мы не нашли. Просто покойный часто выдавал кредиты без решения правления банка. Впрочем, это и понятно, банк принадлежал ему лично. Но формально это нарушение. Больше ничего обнаружить не удалось. Банк солидный, деловой. Там не занимались мелкими аферами.

– Такое сообщение могло порадовать только акционеров его банка, – пробормотал Пахомов. – Что у вас, Чижов?

– Насчет машины вам доложил капитан Перцов. По вашему поручению я проверил, куда именно уехал Багиров. Он сейчас в Англии, на лечении, в одной из частных клиник. Выехал официально, по своему паспорту. Сопровождали его сразу одиннадцать человек. Видимо, охрана. Они наняли самолет и вылетели сначала в Хельсинки, а уже оттуда в Англию.

– Почему такой запутанный маршрут? – хмуро спросил Пахомов. – Они не достали билеты на Лондон?

– Нет, – улыбнулся Чижов, – видимо, в целях безопасности. Они зафрахтовали самолет, чтобы не сдавать оружие. Боялись, что Багирова убьют прямо в самолете. А в свой самолет они не пустили никого, сняли с рейса даже стюардесс. Потом из Финляндии они вылетели в Англию. Сейчас они там.

– Всем ясно, какие-нибудь соображения есть?

– Видимо, Багиров и его группа оказались в какой-то мере причастными к убийству Караухина. Только этим можно объяснить столь быструю реакцию и покушение на жизнь самого Багирова уже в день похорон.

– Это не подходит, – задумчиво произнес Пахомов, – если азербайджанская группировка причастна к убийству Караухина, то никто не стал бы назначать приза в миллион долларов. Это нереально. Они могли все решить за гораздо меньшую сумму.

– Тогда не знаю, – развел руками Чижов, – вы думаете, это совпадение?

– Конечно, нет. Но тут явно непонятная история. Майор Соболев, вы, кажется, хотели нам разъяснить некоторые обстоятельства дела. Расскажите всем то, что вы мне рассказывали два дня назад.

Майор снова попытался встать, но Пахомов махнул рукой, разрешив ему сидеть.

– По нашим оперативным сведениям, – начал неторопливо майор, – покойный Караухин и скульптор Рафаэль Багиров принадлежат к разным преступным группировкам. Более того, они принадлежат к противоположным лагерям. Когда в Москве вспыхнула война между местными группами и пришельцами, они были ярыми врагами. Караухин поддерживал группу Лазарева. Тогда на их стороне был и Рябой, эмигрировавший в Америку. Многие подмосковные группировки поддерживали Лазарева. В свою очередь, кавказские группировки объединились под руководством Багирова, известного вора в законе Михо и банкира Саркисяна из «Континенталь-банка». Война была очень кровопролитная и завершилась убийствами многих преступных авторитетов, в том числе Михо и самого Лазарева. Но потом было объявлено перемирие. По нашим сведениям, перемирие было заключено при посредничестве группы «жрецов», так называемой преступной группировки Фили Рубинчика. Хотя называть их преступной группировкой не совсем правильно. Они занимаются сбором информации и продают ее желающим. Никаких противозаконных актов не совершают. Интересно, что в машине Багирова на момент покушения находился очень известный человек, адвокат Гольдберг, который был убит, по существу приняв на себя удар, предназначенный Багирову.

– Вот видите, – сказал нетерпеливый Чижов, – значит, моя версия правильная. Багиров и Караухин были врагами.

– В последнее время нет, – возразил ему Соболев, – наоборот, они все время пытались как-то достичь согласия, компромисса. Дикая уличная преступность, массовый разбой на улицах города одинаково раздражали Караухина и Багирова. Нет, по нашим данным, в последнее

время они не воевали. Возможно, что покушение на Багирова в день похорон банкира Караухина не случайно. Кто-то намеренно нанес удар, попытавшись вновь поссорить закавказские группы с московскими. Это, возможно, грандиозная провокация, но мы пока ничего не знаем.

– Знаем, – сказал вдруг Комаров, – кое-что знаем. – Все посмотрели на представителя ФСБ. – По сведениям нашей службы, – осторожно сказал Комаров, – покушение на Рафаэля Багирова было спланировано и организовано его соотечественниками совместно с чеченской группой Хаджи Асланбекова. Специально для операции был выбран день похорон банкира Караухина. Внешне это могло выглядеть как месть сторонников Караухина замешанному в преступлении против их лидера Рафаэлю Багирову. Так мне сообщили у нас в контрразведке. Это все, что я знаю.

Наступило молчание. Все переглядывались.

– Значит, скоро начнется новая война между людьми Багирова и Асланбекова? – спросил осторожно Соболев.

– Если Багиров узнает, кто именно готовил покушение, – конечно, начнется. Он ведь остался в живых, – согласился Комаров.

– Ладно, с этим все ясно, – подвел итог Пахомов, – версию Багирова мы можем исключить. Хотя возможно, что сведения ФСБ также не совсем точны, и нам нужно всегда помнить и о таком возможном варианте.

– Думаю, это правильно, – поддержал его Комаров, – мне сказали, что это сведения пока предварительные. Ничего более определенного сообщить не смогли.

– Нужно будет связаться с группой Варнакова и узнать, какие у них данные по расследованию, – предложил Чижов.

– Это я сделаю прямо сегодня, – кивнул Пахомов. – Значит, Женя Чижов, как самый молодой и самый настойчивый, поедет вместе со мной в управление делами Кабинета министров. Нам нужно узнать, куда пошло письмо, копию которого мы нашли у Чешихина. Оно было зарегистрировано в журнале исходящих документов банка, но почему-то хранилось у погибшего помощника Караухина дома. Мы сделали ксерокопию, которую возьмем с собой для сверки. Соболева прошу усилить работу с агентурой. Пока у нас нет даже малейшей зацепки. И найдите наконец нам этого Анисова. Он нам очень нужен. Перцов работает с найденным ножом. Нож самодельный, я вас верно понял?

– Да.

– Опросите всех, кто мог его сделать. Пусть эксперты дадут заключение по рукоятке и состоянию металла, из которого был сделан нож. В общем все, как обычно. Отпечатки пальцев, надеюсь, сохранились?

– Плохие, но есть, – кивнул Перцов.

– Хоть какие. Нужно опросить там на месте жителей соседнего поселка. Может, кто видел эту машину. Вернее, две машины. Они ведь должны были приехать на двух автомобилях, чтобы один сжечь. Понимаете?

– Конечно. Но меня волнует другое, – сказал вдруг Перцов.

– Что именно?

– Эксперты дали заключение, что машина была почти новая. Даже после аварии ее вполне можно было продать или разобрать на запчасти. А преступники не тронули даже магнитофона, решив сжечь машину. Не логично, товарищ Пахомов, совсем не похоже на обычных бандитов. Я понимаю, конечно, что их главной целью было убийство Чешихина, но зачем после этого сжигать автомобиль? Его можно перегнать в другую область. Или разобрать. Почему они так торопились избавиться от автомобиля?

– Забавные наблюдения, – сказал Пахомов, задумавшись, – вот вы сами и ответите нам на эти вопросы. Товарища Серминова я прошу завтра начать проверку компании «Делос». Надеюсь, что она не испарилась вместе со своим президентом. Все свободны.

Люди заулыбались, встали, поспешили к выходу. После того как все вышли и Пахомов остался вдвоем с Комаровым, он спросил его:

– Кто тебе сказал насчет Багирова?

– Наш начальник контрразведки. Он знает, что я подключен к расследованию преступления против Караухина. Наши ведь тоже проверяют некоторые вещи. Вот он мне и сообщил насчет покушения, просил передать тебе об этом. Правда, сказал, что это пока только предварительные результаты.

– Понятно, – вздохнул Пахомов, – он тоже хочет быть полезным в расследовании этого дела. Миллион долларов, кажется, всех сводит с ума.

– А как ты думал, – засмеялся Комаров.

После перерыва, получив письмо и. о. и строгие наставления, как себя вести, Пахомов и Чижов отправились в Кабинет министров.

В Управлении делами их принял заместитель управляющего. Продержав более получаса в своей приемной, он наконец милостиво согласился принять этих двоих сотрудников прокуратуры, словно явившихся сюда в качестве рядовых просителей. Он долго и с брезгливым выражением лица смотрел на письмо прокуратуры и наконец выдал:

– Мы дадим вам ответ в течение семи дней.

Он был маленького роста, и его сморщенное лицо напоминало отчасти злобную маску карлика.

– Нет, – решительно сказал Пахомов, – нам нужен ответ немедленно.

– Вы куда пришли, – разозлился маленький чиновник, – это Кабинет министров! Научитесь себя вести как подобает.

– Это вы научитесь работать как подобает, – так же дерзко ответил Павел Алексеевич. – Согласно нашим законам любой гражданин обязан помогать сотрудникам прокуратуры в расследовании преступлений. И тем более должностное лицо. Отказ от подобной помощи считается существенным нарушением своих должностных обязанностей, а в некоторых случаях влечет за собой даже уголовную ответственность.

Карлик усмехнулся.

– Хотите меня испугать?

– Хочу вам объяснить. Вы можете выяснить это в течение минуты. Кому было направлено письмо и какая на нем была резолюция. Вот и все, что мне нужно знать.

– А вы знаете, что у нас вся документация секретная?

– Я следователь по особо важным делам, – сказал спокойно Павел Алексеевич, – и у меня есть доступ к любым секретным документам. У вас есть еще возражения? Или мне нужно идти к управляющему?

– Посидите здесь, – прохрипел карлик, – я сам отнесу ваше письмо.

Когда он вышел, Чижов сочувственно улыбнулся Пахомову.

– Сильно вы его, Павел Алексеевич.

– Да нет, – отмахнулся Пахомов, – можно было сильнее. Страх в нас еще сидит. Не до конца мы его выдавили. А тебя я специально привез. Ты молодой, смотри, учись. Может, действительно вы и будете первым поколением России, которое вырастет без этого страха в душе.

– Нас даже называют «непоротое поколение», – улыбнулся Чижов.

– Вот-вот. А я до сих пор, когда вспоминаю наши пионерские лагеря, дома в холодном поту просыпаюсь.словно опять я маленьким мальчиком в этих лагерях оказываюсь. Слабый я был, худой в детстве, вот меня и били там часто, издевались. Пока наконец я однажды не взял большую палку и не отлупил своего главного обидчика. Меня потом сильно избили за это, но с тех пор зауважали надолго.

Вернулся неприветливый хозяин кабинета. Вопреки всему он радостно улыбался, показывая свои мелкие, как у хорька, зубы.

– Такое письмо мы действительно получили. Вам нужна его ксерокопия? – спросил он. Пахомов почувствовал подвох.

– А вы можете ее дать?

– Нет, – любезно сообщил заместитель управляющего, – у нас его нет. Письмо было на имя премьера и передано первому заместителю премьера на рассмотрение. Резолюция была «Рассмотреть и доложить». Что-нибудь еще?

– А где сейчас это письмо?

– У первого вице-премьера. Хотите зайти и к нему? – явно издеваясь, спросил карлик.

– Обязательно, – кивнул Пахомов.

Его собеседник испугался.

– Вы с ума сошли. Это же... первый заместитель. Он даже вашего прокурора не принимает.

– А меня примет, – решительно сказал Пахомов, – где его кабинет?

– Подождите, – нахмурился заместитель управляющего, – откуда вы такой на мою голову бешеный. Внешне нормальный человек.

Он поднял трубку с государственным гербом России и кому-то позвонил.

– Дмитрий Петрович, это я говорю. Вы простите, что беспокою. Здесь следователь пришел из прокуратуры. Следователь по особо важным делам. Он хочет встретиться с вашим шефом. Да, с ним лично. Конечно, я ему все объяснил. Но он настаивает. Да, спасибо, сейчас же пришло.

Он положил трубку и хмуро сказал:

– Идите на третий этаж. Его помощник вас примет.

Они довольно быстро нашли кабинет помощника первого заместителя премьера. В отличие от первого чиновника, с которым они столкнулись, этот оказался молодым, симпатичным человеком, радушно принявшим пришедших к нему посетителей. Уже через пять минут они знали, что ответ на письмо был положительный и, кроме транспортировки сырой нефти, компания «Делос» получила право на представление интересов России на Украине.

В прокуратуру они возвращались в хорошем настроении. Но едва переступили порог кабинета Пахомова, как тут же раздался телефонный звонок. Это был Соболев.

– Найден труп Анисова, – спокойно сообщил он, – с явными признаками насильственной смерти.

Пахомов осторожно положил трубку, ничего не сказав. Они снова опоздали.

Глава 9

Когда Будагов вернулся снова к столу, Дронго понял: что-то случилось. Банкир напряженно улыбался, но это была именно напряженная улыбка. Он изменился, и это очень не понравилось Дронго. «Что-то произошло, – подумал Дронго, – и, кажется, не в мою пользу».

– Значит, вас прислал Аркадий? – очень ласково спросил Будагов.

– Я не говорил, что он прислал. Я сказал, что приехал от него.

– Да, да, конечно, – сразу согласился банкир, – он просил что-нибудь передать?

– Он не мог ничего попросить, – терпеливо напомнил Дронго, – вы просто забыли. Я же сказал вам, что он погиб.

– Да, – как-то рассеянно согласился Будагов, – так зачем вы приехали в Ташкент?

«Он даже не хочет меня слушать. Определенно что-то произошло. Банкир не смотрит в глаза, словно перед ним пустое место. Или... Покойник. Кажется, банкир решил мою судьбу за меня. Нужно было взять с собой оружие. Поездка в Ташкент оказалась несколько более сложной, чем я ее себе представлял. А Будагов – гораздо большим мерзавцем, чем мы могли себе представить в Москве. Но в любом случае нужно все доводить до конца».

– Мне хотелось бы поговорить о бумагах, которые вам передали, – сказал он.

Никакой реакции. Кажется, даже Будагов его не понял.

– Какие бумаги? – спросил банкир.

– Те, что вам передали.

– Говорите яснее, – нахмурился Будагов, – какие именно бумаги, я ничего не понимаю.

– Из-за которых убили Караухина.

Будагов нахмурился. Разговор вышел из-под его контроля, и он явно не понимал, о чем говорит приехавший гость.

– При чем тут бумаги? Он не передавал мне ничего, – раздраженно заявил банкир, – я не понимаю, о чем вы говорите.

«Наверное, он действительно не понимает, и это его неприятно волнует», – подумал Дронго и вслух произнес:

– Аркадий говорил мне, что я могу положиться на вас.

– Не знаю, – банкир осторожно посмотрел на часы. – Как вы познакомились с ним? – равнодушно спросил он.

«Кажется, он тянет время, – подумал Дронго. – Но почему? Ему нужно выиграть время. Может, кто-то должен прийти. Или он пытается что-то выяснить. Я же вижу, как ему не интересен его гость. Очень не интересен. Но он почему-то тянет время».

– Напрасно вы ему так доверяли, – банкир начал обретать свое привычное состояние духа, – вы же видите, чем он кончил.

– Похоже, я действительно напрасно приехал в Узбекистан.

Банкир сделал сочувственное лицо.

– Жаль, что ничем не могу вам помочь, – он взглянул на часы, – всего вам хорошего, – внезапно добавил он, вставая со своего кресла и протягивая руку. Теперь он явно торопился.

Придется немного пощекотать ему нервы, подумал Дронго и, протягивая в ответ руку, спросил:

– Вы не знаете, как проехать в прокуратуру города?

– Зачем вам прокуратура? – уже чисто машинально спросил Будагов.

– Мне нужно встретиться с прокурором города Камаловым. Некоторые документы касались и его.

Вот теперь Будагов испугался. Он явно смутился. Уже подготовленный сценарий теперь явно не годился. Дронго повернулся и, ни слова не говоря, пошел к дверям.

– Подождите, – несколько громко позвал Будагов.

«Кажется, он знает, кто я такой. И вопрос насчет Камалова разрушил его идеальный план, – подумал Дронго, – я правильно нанес удар. Он явно нервничает».

– При чем тут Камалов? – спросил банкир.

– Некоторые документы позволяют говорить о причастности вашего прокурора к делам Караухина. Камалов ведь раньше был вашим юрисконсультom? – невинным голосом уточнил Дронго.

– Он ушел от нас в прокуратуру. Вы говорите какими-то намеками, – Будагов явно нервничал, – сядьте, пожалуйста, и объясните мне, при чем тут Камалов?

– Это я могу сообщить только ему, – достаточно деликатно ответил Дронго.

Банкир неслышно вздохнул. Пробормотал какое-то проклятие. Вышел из-за стола. Кажется, он усиленно размышлял.

– Подождите меня, я сейчас вернусь, – сказал он и быстро вышел в заднюю дверь.

«Кажется, там сидит его советчик. Или стоит телефон, по которому он советуется с кем-то, – понял Дронго. – Сначала он решил не иметь со мной никаких дел и, более того, даже хотел избавиться от меня как можно быстрее. А как только услышал фамилию Камалова, сразу изменил свое мнение. Он достаточно серьезно опасается за кресло своего крестника. Почему? Ведь прокурор города ведет бескомпромиссную борьбу со всякими нарушителями. Почему он боится? Или прокурор ведет борьбу не вообще, а за интересы какой-то определенной группы? Это больше похоже на истину.

То, что документов здесь нет, – это очевидно. Достаточно посмотреть на кислую физиономию Будагова, чтобы понять, что ему нельзя доверять даже ста рублей. Этот человек способен продать родную мать, если это принесет ему прибыль. Караухин не мог доверить ему документов, это совершенно определено. Но зачем тогда Чешихин приезжал сюда именно в день похорон? Что ему было нужно здесь? К чему такая спешка?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.